

Дмитрий Фурман

МОЛДАВСКИЕ МОЛДАВАНЕ И МОЛДАВСКИЕ РУМЫНЫ

ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО
СОЗНАНИЯ МОЛДАВАН НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

1. МОЛДАВАНЕ И РУМЫНЫ

Из всех титульных народов советских, а затем постсоветских республик молдаване обладают самым неопределённым и противоречивым этническим самосознанием.

«Двусмысленность» есть даже в самом этнониме «молдаване». Молдавия — одно из двух (второе — Валахия, она же Цара Ромыняскэ) княжеств, объединившихся в 1859 году в единое румынское государство, и его жители назывались молдаване. Так они продолжают называться и в единой Румынии. Но в Румынии это — молдаване, воспринимающие своё «молдаванство» как принадлежность к региональной и субэтнической общности, одной из ряда подобных общностей (мунтянской, олтянской, кришанской и др.), образовавших румынскую нацию. Примерно так, как в России воспринимается принадлежность к «сибирякам», «волжанам» или даже «петербуржцам». Диалектальные различия разговорного языка молдаван от разговорных языков других румынских субэтнических групп — очень невелики (значительно меньше, чем различия итальянских или немецких диалектов, и практически не уловимы на слух) и никогда, кроме специфического советского случая, не вели к попыткам создания на их основе особого литературного языка и особой национальной идентичности.

Но в 1812 году по итогам русско-турецкой войны (Молдавия, как и Валахия, находились в зависимости от Турции) часть территории Молдавии между Днестром и Прутом, приобретшая название Бессарабия, была оторвана от остальной Молдовы и вошла в состав Российской империи. Национальное развитие бессарабских молдаван (в подавляющем большинстве —

неграмотных крестьян с «донациональным» самосознанием¹; оставшиеся в Бессарабии крупные землевладельцы в основном влились в русскую элиту²) отличалось от развития их «запрутских» братьев. Власти империи, естественно, опасались влияния на них процессов создания современной румынских нации и национального государства и возникновения в Бессарабии румынского ирредентизма и старались максимально ограничить их контакты с Румынией. Становление в Бессарабии молдавских интеллигенции и буржуазии (слоёв, которые везде являются носителями нового национального самосознания) шло очень медленно³, и к 1918 г. российские молдаване в большинстве своём сохраняли «донациональное» сознание. Тем не менее, поскольку новые интеллигентные слои всё же возникали, и новое национальное сознание появлялось, оно естественно становилось общерумынским, а не молдавско-бессарабским.

27 марта 1918 года Совет страны (Сфатул Цэрий), «импровизированный» парламент, провозгласивший себя в условиях революционного хаоса органом власти в Бессарабии, принимает решение о её вхождении в Румынию. Начинается период «румынизации», целенаправленной политики румынских властей на интеграцию бессарабских молдаван в единую румынскую нацию. Но для такой интеграции у относительно отсталой Румынии не было ни достаточных сил, ни, главное, достаточного времени.

В 1940 году в результате раздела «сфер влияния» между СССР и Германией и затем, по итогам второй мировой войны, Бессарабия входит в состав

1. По переписи 1897 г. грамотными были только 15,6% населения Бессарабии, причём среди молдаван уровень грамотности был ниже, чем в среднем по Бессарабии—10,5%. Даже в 1930 г., по данным румынской переписи, грамотными в Бессарабии были только 29,9% жителей. George Palade. *Istoria românilor. Cap. XLVI. „Moldova Suverană”*. 1993, 8 ноября.
2. Румынский историк Ф. Константину пишет: «В Бессарабии, в отличие от Трансильвании и Буковины, русификация румынской элиты—как ментальная (преданность царю), так и этническая—лишила население руководящего слоя, вовлечённого в работу по национальному освобождению». Florin Constantiniu. *O istoria sinceră a poporului român*. Bucureşti. 2002. С. 253. Различие ситуации в Бессарабии и ситуации в Трансильвании и Буковине, несомненно, связано с тем, что в Бессарабии, в отличие от румынских земель в Австро-Венгрии, между местными румыноговорящими жителями (назвать их румынами всё же нельзя) и господствующим народом не было религиозного барьера. В Трансильвании румыну, чтобы стать венгром, надо было отказаться от веры (православной или униатской), в Российской же империи это было не нужно, и стремящийся войти в российские элитарные слои молдаванин-бессарабец мог стать русским «незаметно». В этом отношении ситуации румыноговорящих в Трансильвании и Бессарабии можно сравнить с ситуациями украинцев в Галиции и российской Украине. Соответственно, и активная роль трансильванцев в создании объединённой «Великой Румынии» после первой мировой войны и в политической жизни этого государства, и, скорее, пассивная роль бессарабцев могут быть сопоставлены с ролью галичан и левобережных украинцев в украинском движении. В самой Бессарабии громадную роль в движении 1918 г. за присоединение к Румынии играли трансильванские румыны—военнопленные.
3. В городах Бессарабии в 1912 г. молдаване составляли только 14% жителей (евреи—37%, русские—24%, украинцы—16%). Viorel Roman. *Bucovina; Basarabia, Moldova. Editura Tehnica. Bucureşti*, 1995. 70

СССР, и основная её часть (без ряда районов, переданных Украине) вместе с частью районов по Левобережью Днестра, никогда ранее не принадлежавших к исторической Молдавии и в межвоенный период входивших в Молдавскую АССР в составе Украины⁴, образует Молдавскую ССР. Национальное развитие приобретает в этой новой советской республике особые и причудливые формы.

2. «САМАЯ ИСКУССТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ СССР»

Советская национальная политика сначала в Молдавской АССР на левом берегу Днестра, а затем в Молдавской ССР была направлена, как и во всех республиках СССР, на конструирование из титульного этноса «социалистической нации», входящей в «семью» наций СССР и признающей особую роль в этой семье русского «старшего брата».

Но эта общая задача в Молдавии представляла в модифицированном виде. Молдаване должны были не только стать одной из социалистических советских наций, но легитимация отрыва Молдавии от Румынии и её вхождения в СССР предполагала, что они должны стать нацией, как можно более отличной от румынской и как можно менее ощущающей свою близость к румынам (и наоборот, как можно более ощущающей свою близость с русскими). Задача эта была очень сложной.

Значительные различия молдавского (румынского) и русского языков и культуры создавали между русскими и молдаванами этнический барьер, препятствующий русификации молдаван, во всяком случае, больших размеров, чем барьеры между русскими и украинцами и русскими и белорусами. По данным переписи 1989 года 95,4% молдаван считали своим родным языком молдавский⁵.

Но этнический барьер между бессарабскими молдаванами и румынами практически вообще отсутствовал. Его надо было создавать. Как сказал молдавский первый секретарь ЦК И. Бодюл: «Если мы будем признавать общность языка и культуры молдаван и румын, что тогда останется от молдавской нации?»⁶

Продолжая политику Российской империи, советская власть максимально ограничивала контакты бессарабских молдаван с Румынией (особенно после «национализации» румынского коммунистического режима, при Чаушеску, даже выдвигавшего претензии на Молдавию-Бессарабию). Возможность поездок в Румынию была крайне ограничена. Литература из Румы-

4. СССР никогда не признавал вхождения Бессарабии в состав Румынии, и МАССР, очевидно, должна была играть роль средства давления на Румынию и кузницы кадров для будущей советской Бессарабии, аналогичную роли Карело-Финской республики в отношении Финляндии.

5. Для сравнения: украинцев и белорусов, считавших родными украинский и белорусский языки, было 87,7% и 71,7%. Свободно владевших русским или считавших русский родным, было 57,5%. молдаван, 80,2% украинцев и 80,1% белорусов.

6. Цит. по: А. Дубровский. Осторожно, румынофобия!. Независимая Молдова. 1991, 25 декабря. С. 2.

нии — практически не доступна. Но главным было создание культурных и психологических барьеров. Власть запрещала использование принятой в Румынии латинской графики, и молдавская письменность была переведена на кириллицу, что должно было сблизить молдаван с русскими. Утверждалось, что молдавский язык отличается от румынского, и были попытки конструировать этот язык на основе фиксирования всех особенностей крестьянского бессарабско-молдавского разговорного языка и усиленного заимствования русской лексики.⁷ Единство языка молдаван и румын и практическое отсутствие базовых этнических различий между ними порождало особое значение, придававшееся чисто символическим, формальным признакам — алфавиту и названиям «молдаванин», а не «румын», «молдавский», а не «румынский». (Громадное значение, придаваемое этим формальным, знаковым различиям, в дальнейшем станет характерной и своеобразной чертой национально-политических баталий постсоветской эпохи⁸.)

Чем меньше реальная база изначальных этнических отличий группы, из которой стремятся создать особую нацию, от уже сформировавшейся нации, тем больше потребность придать этой нации образ «чужого» или даже врага. Культивирование «молдовенизма» означало не только подчёркивание или искусственное создание всех возможных отличий молдаван и румын, но и культивирование (несмотря на включение Румынии в социальный лагерь) «румынофобии». Период пребывания Бессарабии в Румынии объявлялся периодом «оккупации», «колонизации» и «национального гнёта», в сознание молдаван внедрялись образы румынского жандарма, румынских помещиков и румынских фашистов⁹.

Добилась ли советская власть желаемых результатов? Удалось ли ей сконструировать из бессарабских, советских молдаван особую нацию? Ответить

7. Более того, одно время в полном противоречии с очевидностью утверждалось даже, что язык молдаван — не романский, а славянский. О советской национальной политике в Молдавской ССР см. статьи в сборнике: «Studies in Moldovan» Ed. by D. L. Dyer. New-York. 1996.

8. В 1997 г. страстный противник унионизма «молдовенист» В. Стати будет призывать «защищать и укреплять этнообразующие и этноидентифицирующие признаки нашего народа и государственности... наименование нации, название родного языка и историческое название страны». Интервью В. Стати, председателя Республиканско-координационного совета Патриотического движения «Про Молдова». Независимая Молдова. 1997, 19 августа.

9. «Несмотря на наличие общего с населением Румынии расового происхождения, молдаване все же отличаются от румын. Сами молдаване не считают себя румынами. Неистребимая ненависть к румынским помещикам характерна для бессарабского молдаванина. Общность языка у молдаван и румын весьма относительна». (Большая Советская Энциклопедия. Москва. 1927. Т.6., С.28)

Особой проблемой было отношение к запрутской, румынской Молдове. Утверждение этнических различий бессарабских и «запрутских» молдаван было просто невозможно, как невозможно было оторвать друг от друга историю и культуру бессарабских, советских и румынских молдаван. Но признание молдаван по обе стороны Прута единым народом означало бы признание Румынии государством, угнетающим молдавский народ. Это было уже слишком, и до этого советская власть не доходила. Проблема так и осталась нерешённой.

на этот вопрос однозначно невозможно. Правильный ответ предполагает, скорее, «количественную» оценку — «до некоторой степени».

Английский исследователь Д. Делетант называет молдаван «самой искусственной национальностью СССР»¹⁰. И, наверное, с этим можно согласиться. Но с оговорками. Элемент «искусственности» есть в любом национальном конструировании. В истории — громадное множество примеров, когда совершенно «искусственные» и случайно возникшие границы в конце концов приводили к возникновению у живущих в них людей чувства национальной особенности и общности. Молдаване-бессарабцы жили в отрыве от запрутских румын в составе России в 1812-1918 и в составе СССР в 1940-1941 и 1944—1991 годах. Это — очень большой период времени, за который, даже вне зависимости от усилий российских и советских властей, не могло не сложиться некоторого чувства общности и отличия от румын, живших в другой стране и в других условиях. (Даже у живших значительно меньшее время в отрыве от других немцев жителей ГДР также успело сложиться, хотя и не стойкое и не прочное, некоторое «гэдээровское» самосознание «осси».) И, как показало дальнейшее развитие, «молдавская идентичность, в отличие от молдавского языка, оказалась менее химерической, чем это кто-либо мог вообразить»¹¹.

Но возникшая в СССР новая молдавская интеллигенция (старая в большинстве своём или была уничтожена, или перебралась в Румынию), особенно гуманитарная и творческая, уже в конце советской эпохи всё более становилась реально (но скрыто) потенциально «румынской».

По мере эрозии официальной идеологии во всём СССР шёл процесс обращения интеллигенции к старой, досоветской культуре. Но в советской Молдавии досоветская история и культура — это история и культура той Молдовы, которая стала органической частью Румынии и которая влилась в общерумынскую историю и культуру. И если обращение к своему прошлому русских, украинцев или армян усиливало их национальные чувства, то погружение молдаванина в мир высокой культуры, созданной на румынском языке, наоборот, ослабляло прививаемое советской властью молдавское самосознание и порождало румынское самосознание. Если человек увлекался какими-то вполне официальными, преподававшимися в школе молдавскими («молдавско-румынскими») классиками XIX века, он неизбежно наталкивался на разделяемую этими классиками национальную мифологию противопоставления «потомков римлян и даков» славянам, на призывы к объединению Молдовы и Валахии, восторг перед этим объединением и на инвективы против «русских захватчиков исконной румынской земли — Бессарабии».

Интеллигентный молдаванин становился румыном, приобретал чувство своего единства с большим народом с большой историей и большой культу-

10. D. Deletant. Language Policy and Linguistic Trends in the Republic of Moldova. 1924-1992. In » Studies in Moldovan»... p. 54.

11. Ch. King. The Role of Language in the Moldovan Socialist Republic. In: » Studies in Moldovan»... p. 54

рой и усваивал картину мира, в которой 1918 год — год не «румынской оккупации», а «великого национального объединения», а соответственно — 1812-й и 1940-й — годы, знаменующие «национальное порабощение». И его антисоветский протест, его стремление к национальному равноправию и смутные мечты о жизни, «как на Западе», о демократии и рынке окрашивались этой специфической формой национализма, связанной не с утверждением, а с отрицанием своей официальной титульной идентичности.

3. «ДОЛОЙ ГРАНИЦУ ПО ПРУТУ!»

В годы «перестройки» эта румынская направленность молдавского интеллигентского национализма стремительно выходит на поверхность. По словам молдавского поэта В. Барды, сказанным в 1989 году, «ещё два года некоторые верили, что они — просто молдаване. Сегодня они сознают, что они — румыны. Возможно, мы в большей степени националисты, чем румыны, потому что мы были оккупированы»¹².

В каждой бывшей советской республике мы видим национальную модификацию позднесоветского и затем постсоветского развития, порождённую прежде всего особенностями национального самосознания и национальной культуры. Но особенности молдавского национального сознания — уникальны для постсоветского пространства. И соответственно, они порождают совершенно особую форму развития.

Во всех республиках бывшего СССР антисоюзное, «антисоветское» движение в годы перестройки принимает форму «национального возрождения» и самоутверждения. При отсутствии каких-либо ясных политических и экономических планов и очень слабой способности людей к самоорганизации эта самоорганизация идёт главным образом по национальному признаку, и на первый план выходят специфически «гуманитарные» и национальные вопросы. Во главе национально-демократических движений практически везде встают интеллигенты — гуманитарии и представители творческих профессий, сама работа которых предполагает усиленное национальное чувство и интерес к национальным вопросам¹³. Лидеры созданного в апреле 1988 года на общем собрании творческих союзов «Движения в поддержку перестройки», ставшего затем после объединения в мае 1989 года с клубом «Алексей Матеевич» Народным фронтом — писатели (М. Гимпу), музейные работники (Ю. Рошка), поэты (Л. Лари), филологи (С. Мокану), естественно, страстные «румынисты». Главным печатным рупором движения становится газета «Литература ши Арта». В движении участвуют и представи-

12. Республика Молдова в 1989–91 годах: взгляд со стороны. Дайджест зарубежной прессы. Кишинёв, 1992. С. 100.

13. В Азербайджане, Армении, Грузии и Абхазии главами государств становятся филологи (А. Эльчибей, Л. Тер-Петросян, З. Гамсахурдия, В. Ардзинба), в Литве — профессор консерватории В. Ландсбергис, во главе Народного Фронта Белоруссии — филолог З. Позняк, в Узбекистане на роль лидера демократов выдвигается поэт Мухаммад Солих, в Таджикистане — кинорежиссёр Д. Худоназаров).

тели «статусной» интеллигенции, но основным его «мотором» выступают, как и в других республиках СССР, молодые и не имеющие прочного положения в советской иерархии интеллигенты, которым перестройка не только дала возможность высказать накопившиеся мысли и чувства, но и создала «лифты» социальной мобильности.

Эволюция Народного фронта Молдавии проходит через те же этапы, что и эволюция всех подобных движений в СССР (и как все аналогичные движения — под влиянием «прибалтийской модели») — от «поддержки курса КПСС на перестройку» к яростному антикоммунизму и требованиям выхода из СССР. В Молдавии этот переход происходит очень быстро, и лозунги «Коммунизм — это сатанизм» и «Бей коммунистов» появляются уже в 1989 году.¹⁴

И, опять-таки, как везде, фронтистское движение, основной движущей силой которого является молодая интеллигенция, вступает в союз с национальной партийной номенклатурой. Эта номенклатура (в национальной молдавской номенклатуре в силу специфически сельскохозяйственной специализации республики преобладают председатели колхозов и директора совхозов, крупная промышленность сосредоточена на Левобережье, и в ней доминируют русские) более осторожна (ей есть что терять) и более прагматична, чем «оторванная от жизни» и живущая «в мире идей» гуманитарная интеллигенция. Но она не может не стремиться освободиться от московского контроля и потеснить русских «пришельцев». Законы о языке, переводящие молдавский с кириллицы на латиницу, объявляющие молдавский язык государственным и требующие знания этого языка для занятия должностей на государственной службе, принимаются ещё в августе 1989 года старым, «доперестроечным» Верховным советом. В руководстве «настоящие молдаване» вытесняют русских и «русифицированных» молдаван. В ноябре 1989 года плохо говорящего по-молдавски (по-румынски) первого секретаря ЦК С. Гроссу сменяет прекрасный говорящий по-молдавски «либеральный» П. Лучинский¹⁵.

В Верховном Совете Молдавии, избранном в марте-апреле 1990 года, депутатов, прошедших по списку НФ — 27%. Но это наиболее активная и интеллигентная часть депутатского корпуса, ведущая за собой пассивное большинство и захватившая все руководящие парламентские должности. При-

14. См.: К вопросу о лозунгах. Советская Молдавия. 1990, 1 февраля.

15. В январе 1991 г. он становится секретарём ЦК КПСС и переправляется в Москву, а первым секретарём молдавского ЦК становится Г. Еремей. Лучинский создавал образ интеллигентного и либерального партработника «нового типа», что и обеспечило его партийную карьеру в горбачёвское время. Он говорил о себе: «Моё поколение — это знаменитое поколение «шестидесятников». Главной его чертой стало свободомыслие». («Мы обязаны найти оптимальную, выгодную всем форму правления страной». Интервью П. Лучинского. Независимая Молдова, 1996 10 января.) Будучи секретарём ЦК КПСС, Лучинский на пленуме ЦК в феврале 1990 г. выступает с таким характерным для той эпохи абстрактно-демократическим заявлением: «А почему бы нам, скажем, не изучать глубоко опыт тех стран, где действует двухпартийная система.... Обе партии должны создаваться на основе социалистического выбора, но отличаться в методах работы, подходах». Советская Молдова. 1990, 8 февраля.

шедший к власти союз интеллигенции и номенклатуры олицетворялся фигурами ставшего в 1990 году премьером бывшего сотрудника московского института Латинской Америки «психолога, переводчика и экономиста» М. Друка (связанного с диссидентскими кругами и обвинявшегося противниками, как почти все деятели этого типа, в сотрудничестве с КГБ) и ставшего главой Верховного Совета, а затем первым молдавским президентом агронома и партработника М. Снегура. М. Снегур, ярый противник Москвы и сторонник выхода из СССР, убеждённый, что Центр Молдавию эксплуатирует¹⁶, стал председателем президиума Верховного Совета ещё в июле 1989 года, до «перестроечных» выборов. Но он был вновь избран на этот пост уже новым Верховным Советом в апреле 1990 года при поддержке «фронтистов», голосовавших за него и против его соперника первого секретаря ЦК «либерального», но «промосковского» П. Лучинского.

Союз фронтистов и аграрной номенклатуры, отражавший установившееся на этот момент единство молдаван на «антиимперской», антисоюзной и антирусской основе, естественно, ведёт к изоляции и вытеснению русских и «русскоязычных». Русскоязычное просоветское меньшинство (по переписи 1989 года молдаване составляли только 64,46 % жителей республики), организуемое «интернационалистическим» движением «Унитатя-Единство», растеряно, поскольку сами советские властные органы Молдавии оказались «под влиянием националистов» или даже просто «перешли на националистические позиции», а позиция горбачёвского московского центра — неопределённая и противоречивая. Русскоязычное меньшинство в Верховном Совете, образовавшее депутатскую группу «Советская Молдавия», которая противостоит единому молдавскому большинству, поддерживаемому буйной и подвергающей русских депутатов оскорблениям («чемодан — вокзал — Россия») уличной толпой. Говоря о русских «пришельцах» и их парламентских представителях, молдавские «фронтисты» не скупятся на эпитеты. Депутат парламента поэтесса Леонида Лари говорит о них: «Они способны на любую подлость даже здесь, в парламенте... Потому что они не видели цивилизации в своей варварской Сибири...»¹⁷

Все эти процессы — общие для большинства советских республик. Но в Молдове они приобретают особые характеристики, связанные с молдавской национальной спецификой.

Национальное движение, движение от СССР естественным образом становится движением в сторону Румынии¹⁸. Как в прибалтийских движениях, лозунгом становится непризнание пакта Молотова-Риббентропа и ликвида-

16. «... Приведу следующую цифру. Республика лишается ежегодно только от реализации Центру молока и мяса 650 миллионов рублей. Думаю, что комментарии излишни». Советская Молдавия. 1991, 7 марта.

17. Референдум: за и против. Советская Молдавия. 1991, 14 февраля.

18. В. Гросул, официальный советский историк, академик, пишет в это время: «... тысячи «лингвистов», которые устраивают митинги и демонстрации... после замены алфавита потребуют назвать молдавский язык румынским, а затем переименовать молдаван в румын». В. Гросул. Ещё раз об истории. Советская Молдавия. 1989, 27 июля. С. 4.

ция его последствий (что, в отличие от Прибалтики, для Молдовы означает не восстановление независимости, а воссоединение с Румынией, «возвращение в лоно Родины-матери»). Язык переводится на латинскую графику и, таким образом, теряет единственное отличие от румынского¹⁹. Принимается общерумынская национально-государственная символика (с незначительными модификациями). В национально-государственный пантеон возвращаются имена молдаван-бессарабцев, осуществивших в 1918 году присоединение к Румынии. На митингах антикоммунистические лозунги дополняются лозунгами: «Долой границу, разделяющую румынский народ!» и «Пробуждайся, румын!»²⁰.

Провозглашённая в августе 1991 года (после провала московского «путча») независимость Молдовы ставшими во главе национального движения людьми мыслится чем-то временным, переходным, как временной и переходной была провозглашённая в январе 1918 года независимость Молдавской республики, уже в марте вошедшей в состав Румынии. Ю. Рошка говорит: «Распад Советской империи неизбежен, и, когда она исчезнет, мы объединимся с Румынией»²¹, «Молдавская республика — искусственно созданное государство»²². И даже президент М. Снегур в августе 1991 года говорит в интервью «Фигаро»: «Независимость — это, конечно, временный период. На первых порах будут существовать два румынских государства, но это будет длиться недолго. Я повторяю ещё раз, что независимость является этапом, а не целью»²³.

«Ирредентистский» характер молдавского движения придаёт ему особую радикальность, ибо ирредентизм не предполагает каких-либо переходных форм («суверенитет в составе СССР», затем — членство в СНГ). Оно развивается быстро и уже в 1989 году принимает бурные формы — в ноябре 1989 года была даже попытка взять штурмом здание МВД, во время которой колоссальную выдержку проявил так и не отдавший приказ стрелять в разъярённую толпу тогдашний министр внутренних дел В. Воронин. Среди республик, борющихся за разрушение СССР, Молдавия — в первом ряду. Она не проводит горбачёвский референдум о судьбе СССР (при этом Снегур прямо говорит, что нельзя допустить, чтобы русское меньшинство участвовало в решении судьбы молдаван, «кому мы позволим решать нашу судьбу?»²⁴) и в августе 1991 года смело и решительно противостоит «путчу» ГКЧП и декларирует независимость.

19. Очень характерный и специфически молдавский факт. Когда под напором национально-демократического движения и либерального горбачёвского центра молдавское партийное руководство было вынуждено согласиться на переход на латинскую графику, была попытка отстоять «последний бастион» языкового молдовенизма. Первый секретарь ЦК С. Гроссу заявил, что значки для передачи звуков румынского языка, не передаваемых латинскими буквами, всё же будут иными, чем в румынском. Этот гротескный план, однако, не прошёл. См.: «Studies in Moldovan», p. 11.

20. Беззаконие — путь к пропасти. Советская Молдавия. 1989, 11 ноября. С. 1–2.

21. Республика Молдова в 1989–91 годах: взгляд со стороны. Дайджест зарубежной прессы. Кишинёв, 1992. С. 103

22. Там же. С. 105.

23. Там же. С. 106.

24. М. Снегур. Быть хозяевами в своём доме. Советская Молдавия. 1991, 7 марта.

Угроза, вырисовывающаяся перед русским и русскоязычным населением — большая, чем в Прибалтике и других республиках. В Молдове для русских речь идёт не только о перспективе превратиться из представителей «главного» народа СССР в представителей не слишком любимого меньшинства, которых заставляют учить чужой язык и которым периодически напоминают, что теперь они живут не в СССР и уже не «старшие братья». Если провозглашение другими республиками независимости могло всё же восприниматься русскими как нечто временное, «несерьёзное» и не создающее жёсткой границы с Россией, то присоединение Молдовы к Румынии означало бы радикальный и окончательный разрыв с Россией и перспективу превращения русских в крохотное меньшинство в большом, совсем чужом и «страшноватом» государстве.

Русские и «русскоязычные» сепаратистские и ирредентистские движения под «интернационалистически»-советским и, легко переходящими в русско-националистические, лозунгами в процессе распада СССР возникают во многих республиках (Казахстане, Украине, республиках Прибалтики). Но лишь в Молдове русско-советский сепаратизм приводят к созданию на индустриально развитых землях Левобережья Днестра, вошедших в состав Молдавской СССР при советской власти, Приднестровской республики, провозглашённой в сентябре 1990 года и в августе 1991 года одновременно с Молдовой заявившей о своей независимости. Угроза ликвидации границы по Пруту создаёт границу по Днестру. В ноябре 1990 года на дубоссарском мосту происходит вооружённое столкновение, а затем в июне 1992 года между молдаванами и «приднестровцами» вспыхивают даже военные действия, конец которым положила российская армия, чьё присутствие в Приднестровье закрепило сепаратистское государство. Другой очаг напряжения — также боящиеся Румынии и провозгласившие свою республику живущие на юге Молдовы гагаузы. Сепаратистские тенденции возникают даже у крохотного болгарского меньшинства.

Новое молдавское независимое государство — самое слабое из всех новых независимых государств. В нём не только два сепаратистских анклава, в одном из которых — российская армия, но и само оно воспринимается значительной частью своих граждан (включая, как мы видели, президента) как нечто временное и переходное — до объединения. Но, как очень многие «переходные периоды», этот «переход» затянулся на долгие годы, и новое государство приобрело относительные жизнеспособность и устойчивость.

**ПРИСОЕДИНЕНИЕ МОЛДОВЫ
К РУМЫНИИ ОЗНАЧАЛО БЫ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ С РОССИЕЙ
И ПЕРСПЕКТИВУ ПРЕВРАЩЕНИЯ
РУССКИХ В КРОХОТНОЕ МЕНЬШИНСТВО В ЧУЖОМ И «СТРАШНОВАТОМ» ГОСУДАРСТВЕ**

---

4. «ЛОВУШКА НЕЗАВИСИМОСТИ»

Трудно сказать, могло ли объединение советской Молдовы с Румынией совершиться на пике подъёма национального движения и в обстановке всеобщего хаоса, наступившего после августовского московского «путча» 1991 года. Но чем дальше, тем шансов на него становилось меньше.

Очень скоро наряду с принявшей в Приднестровье сепаратистскую форму «русско-советской» реакцией на молдавско-румынский национализм стала проявляться другая — молдавская и «молдовенистская», противопоставляющая унионизму не идеи восстановления СССР и русского сепаратизма и ирредентизма, а идею молдавской государственности. Бессарабско-молдавская идентичность неразрывно связана с Россией и СССР, и «молдовенизм» можно рассматривать как умеренную форму той реакции на «дух 1989 года», крайнюю форму которой являет приднестровский сепаратизм. (Однако провозглашение Приднестровьем независимости создаёт жёсткий барьер между приднестровцами и «молдовенистами».)

Буйные толпы кишинёвской молодёжи с румынскими флагами на созывавшихся Народным фронтом многотысячных «великих национальных собраниях» создавали у наблюдателей «оптическую иллюзию» готовности молдаван к объединению с Румынией. Но, как писал французский журналист, «за исключением интеллигенции и отдельных политиков, большинство молдаван не знает, что предпочесть — воссоединение с Румынией или собственную республику».²⁵ Для массы простых молдаван Румыния оставалась чужой страной, на образы которой, созданные советской пропагандой, накладывались образы румынской антикоммунистической революции (наименее «бархатной» из всех) и впечатления от румынской бедности, которые привозили молдаване, после открытия границ ставшие посещать Румынию. Экономические мотивы, которые так усиливали идейно-национальную мотивацию немцев ГДР к объединению с ФРГ, в случае Молдовы и Румынии не действовали (или даже действовали в противоположном направлении). Было ясно, что присоединение к Румынии лишь усугубит материальные трудности молдаван.

Старая крестьянка говорит французскому журналисту: «С независимостью — согласны, но зачем нам идти на воссоединение со страной, у которой столько проблем». А другой его собеседник, тоже молдавский крестьянин, сказал: «Мы знали румын, затем русских, теперь мы хотим пожить самостоятельно».²⁶ В Молдавии распространяется полушуточная фраза, что лучшим временем для молдаван был крохотный промежуток, когда румыны уже ушли, а русские ещё не пришли. Да и сама Румыния Илиеску не горит желанием ко всем своим многочисленным проблемам взваливать на себя ещё и молдавские.²⁷

25. Республика Молдова в 1989–91 годах: взгляд со стороны. Дайджест зарубежной прессы. Кишинёв, 1992. С. 105

26. Там же.

27. В Румынии лозунги объединения выдвигали радикально-антикоммунистические и ультра-националистические противники Илиеску, а сам он был крайне осторо-

Для унионистов то, что молдаване — румыны, и Молдавия — историческая часть Румынии — это просто факт, который не может быть предметом обсуждения и который не могут изменить никакие политические решения. И когда они всё больше начинают видеть, что этот очевидный факт большинство их соотечественников не принимает, это вызывает раздражение и озлобление. Сторонники молдавской идентичности называются «манкуртами», «молдабанами» и «молдоиванами». Позже Снегур будет говорить о «кампании унижения и дискредитации молдаван»²⁸. И естественно, что эта унионистская агрессивность усиливает реакцию.

Вообще наступление реакции после периода революционного энтузиазма неизбежно, и в разных формах такая реакция возникла во всех постсоветских республиках. Любая революция порождает несбыточные иллюзии, любая революция выдвигает на первый план энтузиастов и демагогов, способных зажигать толпы, но не способных руководить страной и её экономикой, и любая революция порождает реакцию. Но в Молдове естественные трудности перехода к новым формам жизни принимают особенно острый характер. Страна разваливается, существует прямая угроза гражданской войны. В этой ситуации молдавское «молчаливое большинство», ранее ведомое активным народнофронтовым меньшинством, очень рано, ещё до приобретения независимости, начинает поднимать голову.

Антиунионистская реакция молдавского большинства усиливается интересами молдавской элиты. Национальные номенклатурные элиты везде поддерживают независимость (хотя везде осторожны и боятся разгула революционной стихии) не только из-за своего национального чувства, но и потому, что независимость — это резкое повышение их социального статуса и властных возможностей, и появление свободных «руководящих рабочих мест», которые были заняты русскими. Однако унионистская перспектива угрожает лишить молдавскую элиту возможности воспользоваться плодами провозглашённой независимости²⁹. Ведь объединение с Румынией

жен. В интервью «Зюддойче цайтунг» 2 ноября 1990 г. он говорит: «Что касается Бессарабии и Северной Буковины (речь, собственно, идёт не о Республике Молдова, а обо всей Бессарабии и Северной Буковине), то исторической несправедливостью можно считать... способ, которым эти древние румынские территории были включены в состав этой империи». Но мы связаны соглашениями и «не можем занять такие позиции, которые сильно осложнили бы отношения между двумя нашими государствами». Там же. С. 89. Илиеску в тот период был больше всего озабочен не перспективой присоединения Бессарабии, а угрозой венгерского ирредентизма.

28. М. Снегур. Румынский язык — таково правильное название нашего языка. Независимая Молдова. 1995, 29 апреля.

29. Характерно, что, несмотря на то, что у Молдавской республики 1918 г. шансов уцелеть как самостоятельное государство практически не было, у руководителей Сфатул Цэрий, очевидно, также были порождённые подобными мотивами сомнения в желательности объединения. Во всяком случае, в речи румынского премьера А. Маргиломана в связи с решением о присоединении к Румынии есть слова благодарности тем, кто «отбросил эгоистические соображения и, хотя мог быть руководителями государства, предпочёл стать служителями нации». Florin Constantiniu. O istoria sinceră a popurului român». București. 2002. С. 278.

означало бы превращение её в провинциальную элиту большого государства, потерю только что обретенных статусов и власти, а также радужных перспектив, связанных с приватизацией. С наивной откровенностью эти чувства молдавской номенклатуры выразил ещё в марте 1991 года М. Снегур: «Я лично как президент республики предпочёл бы быть руководителем суверенного государства».³⁰

В Верховном Совете, который покинули приднестровские депутаты, ослабив этим русскоязычное меньшинство, противостояние которому спланивало депутатов-молдаван, начинается борьба внутри молдавского большинства. Аграрии — председатели колхозов, директора совхозов и т. д. устали от господства филологов и поэтов, «приведших страну к катастрофе». Как сказал один депутат, «писатели должны писать. А политикой будем заниматься мы»³¹. В мае 1991 года парламент голосами аграриев и оставшихся русских и русскоязычных депутатов отправляет в отставку (при фактической поддержке Снегура³²) унионистского премьера, фронтиста М. Друка. Его сменяет более умеренный и «прагматичный» В. Муравский, а затем и его сменяет аграрий и бывший партработник А. Сангели. Общая угроза, обозначившаяся в августовском «путче», на некоторое время вновь спланивает фронтистов и примыкающих к президенту аграриев. Но после достижения независимости раскол углубляется и «молдовенистское» наступление становится всё более решительным.

Позднее унионистские публицисты будут говорить о «ловушке независимости».³³ Независимость приветствовалась всеми молдаванами, и унионисты и «молдовенисты» объединяются в едином порыве. Но объективно Декларация о независимости — «акт о перемирии»³⁴. В ноябре 1991 года Ю. Рошка говорит: «В понятие «независимость» мы и наши нынешние оппоненты, по-видимому, вообще вкладываем разный смысл. Мы вели речь о независимости оккупированных румынских территорий по отношению к СССР. Г-н Снегур и вся президентская рать понимают независимость как независимость от нашей Родины — Румынии»³⁵. В 1992 году глубоко разочарованный Ю. Рошка восклицает: «Если наше поколение упустит шанс объединения, то, наверное, ему вообще не следовало бы появляться на этой земле».³⁶

30. Быть хозяином в своём доме. Выступление М. Снегура по национальному радио и телевидению. Советская Молдавия. 1991, 7 марта. 1.

31. N-Dabija. Intellectualitatea și misiune ei istorica. Moldova Suverană. 1993, 13 января. 1–2.

32. Снегур жаловался: «Очень тяжело работать с г-ном Друком. При любом замечании вспыскивает, переходит на высокие тона». Заявление М. Снегура в парламенте. Советская Молдавия. 1991, 22 февраля.

33. Mariana Codrut. O rană mereu sîngerîndă. Glasul națiunii. 1992, 13 марта. С. 1. «Очень скоро стало ясно, что в планах бессарабского руководства поспешно провозглашённая независимость была направлена не только против бывшего СССР, но и против... Румынии». Constantin Pricop. Actualitatea Basarabeană. Glasul națiunii. 1992, № 6. С. 1

34. В. Неделчук. «Контроль» Румынии не её подрывает, а укрепляет наш суверенитет. Независимая Молдова. 1993, 14 января.

35. Интервью Ю. Рошки. Независимая Молдова. 1991, 16 ноября. 2.

36. Moldova Suverană. 1992, 8 сентября. 3.

«Молдовенизм», казалось, отступивший и маргинализированный, воспрянул с новой силой. Высказывания Снегура о том, что воссоединение с Румынией — дальняя и неопределённая перспектива до августа 1991 года,³⁷ могли восприниматься как «дипломатические» — для русских и для Москвы. Мы видели, как в августе 1991 года Снегур говорил, что независимость — это короткий переходный период, но затем тональность его высказываний относительно объединения меняется. В июне 1992 года он уже говорит: «История распорядилась, чтобы сейчас на земле было два румынских государства. Сейчас очень сложно определить, какие есть перспективы объединения с Румынией»³⁸. Посол Молдовы в Румынии Д. Данилэ в это же время говорит об объединении «философски»: «Когда произойдёт объединение?.. Это может быть через год, или через многие годы...»³⁹. А в речи в парламенте в декабре 1992 года Снегур вообще предлагает поставить вопрос об объединении на референдум (понимая, что большинство будет против объединения)⁴⁰.

В декабре 1991 года Снегур избирается президентом всенародным голосованием, несмотря на провозглашение НФМ бойкота выборов⁴¹. НФМ призывает к парламентской республике и говорит об угрозе «сползания к диктатуре неокommунистического типа» не столько, на наш взгляд, из-за приверженности к демократии (одновременно он — против референдума о независимости), сколько потому, что всенародное избрание президента означало закрепление молдавской государственности, и потому, что «концентрация власти в одних руках чревата опасностью попасть под влияние и быть манипулируемой определёнными враждебными нашим национальным интересам силами»⁴².

А в январе 1993 года происходит «парламентский переворот» — уходит в отставку вся фронтистская парламентская верхушка во главе со спикером

37. «Многие русские, проживающие в Молдове, ошибочно полагают, что выход из СССР означал бы вступление в Румынию. Конечно, мы не забудем, что принадлежим одной земле, Румынии... Но, несмотря на это, мы хотим независимой Молдовы, которая поддерживает привилегированные отношения с соседней Румынией. В будущем практически не будет границы между нашими странами». Откровенные ответы Мирчи Снегура. Советская Молдавия 1991, 23 апреля.

38. Moldova Suverană. 1992, 11 января.1. Ему вторит в своём интервью Д. Данилэ, посол Молдовы в Румынии: «Когда произойдёт объединение?.. Это может быть через год, или через многие годы». Moldova Suverană. 1992, 11 января.1; 1992, 16 июля. 1, 3.

39. D. Danilă. Dacă vrem să fim tari: să facem ceea ce trebuie să facem. Moldova Suverană. 1992, 16 июля.

40. Проведение референдума не было утверждено парламентом, но в 1994 году был проведён опрос, в котором участвовали 75,1 % населения. На вопрос: «Вы за то, чтобы Республика Молдова развивалась, как независимое целостное государство в границах, признанных ООН...?», «да» ответили 95,4 % опрошенных.. Независимая Молдова. 1994, 12 марта.

41. Предполагаемые соперники Снегура сняли свои кандидатуры, и он был единственным кандидатом. В выборах участвовали 83,96 % избирателей, за Снегура проголосовали 98,18 %. См.: Независимая Молдова 1991, 13 декабря.

42. См.: Декларация Народного Фронта Молдовы об отношении к существующей государственной власти. Независимая Молдова. 1991, 24 октября.

А. Мошану. Новым спикером становится вернувшийся в Молдавию бывший первый секретарь ЦК КПМ, а затем — секретарь ЦК КПСС П. Лучинский⁴³.

Выборы в новый парламент (первые в Молдавии многопартийные выборы по единому избирательному округу) в феврале 1994 года проходят уже в атмосфере «антиунионистской истерии», когда главным обвинением становится то, что кандидат — «противник независимости». М. Снегур, выступая на конгрессе «Наш дом — Молдова» (название заимствовано в России у партии «Наш дом — Россия»), говорит: «Раздаются... голоса, ставящие под сомнение наше право быть государством, называться молдавским народом. Более того, слово «молдаванин» и его производные пытаются устранить из речи»⁴⁴. Но «даже братья-близнецы живут в разных домах»⁴⁵.

Унионистские организации, наследницы Народного Фронта — христианские демократы, ставшие затем наиболее последовательной, активной и сильной унионистской партией, и более умеренный Блок крестьян и интеллигенции (впоследствии на его основе возникает Партия демократических сил), получают вместе только 16,5 % голосов. В новом парламенте доминируют Аграрно-демократическая партия колхозно-совхозной верхушки, в которую затем вступает и М. Снегур (позднее, весной 1995 года, он вышел из неё и создал свою Партию возрождения и согласия), и блок социалистов и движения «Единство», поддержанный голосами нацменьшинств, с фактически «приднестровской» идеологией (компартия после августа 1991 года запрещена), но после распада СССР и отделения Приднестровья поддерживающий молдавскую независимость как «меньшее зло» по сравнению с объединением с Румынией⁴⁶.

Курс на объединение с Румынией сменяется курсом на государственную самостоятельность, укрепление связей с Россией и СНГ и возвращение Приднестровья. В июле 1994 года принимается конституция, в преамбуле которой говорится о «вековом стремлении народа жить в суверенной стране»⁴⁷, государственный язык называется «молдавским», а в статье 11 говорится о возможности предоставления Приднестровью и «некоторым населённым пунктам на юге республики» (гагаузам) «особых форм и условий автономии»⁴⁸. «Временное» государство приобретает всё более устойчи-

43. П. Лучинский позже писал, что он был очень обижен на Горбачёва за роспуск КПСС: «Я был членом Политбюро — и сразу оказался никем» (П. Лучинский. Профессия — президент. М. 1999. С. 76). Теперь он вернулся на руководящую работу.

44. «Республика Молдова — страна всех её граждан». Выступление М. Снегура на конгрессе «Наш дом — республика Молдова». 1994, 5 февраля; Независимая Молдова. 1994, 10 января.

45. См.: И. Ротарь. Объединятся ли Румыния и Молдова? Независимая газета. 1994, 17 февраля. С. 1–3.

46. АДПМ получила 43,2 % голосов и 56 мест, Блок Социалистической партии («эрзаца» распущенной компартии и движения «Унитатя-Единство» — 22 % и 28 мест, Блок крестьян и интеллигенции — 9 % и 11 мест и Альянс Христианско-демократического Народного Фронта — 7,5 % и 9 мест. Независимая Молдова. 1994, 16 марта.

47. Конституции стран СНГ и Балтии. М., 1999. С. 289.

48. Там же. С. 321. Впоследствии гагаузские районы получили такую автономию со своим Народным собранием и «президентом» («башканом»).

вые формы, а институциональная структура Молдовы становится всё менее совместимой с румынской (например, при объединении нужно было бы или уничтожить созданную в конце 1994 года гагаузскую автономию, или допустить создание в самой Румынии множества подобных автономий для её меньшинств).

Между молдавско-румынскими и приднестровско—молдавскими отношениями существует «параллелизм» и тесная взаимосвязь. Возвращение Приднестровья в состав Молдавии с каждым годом становится всё менее реальным точно так же, как и возвращение Молдовы в состав Румынии, и в основном по тем же причинам. Приднестровская верхушка также не хочет утраты самопровозглашённой независимости и превращения (в лучшем случае) в провинциальную элиту Молдовы, как Снегур и аграрии не хотят стать (опять-таки, в лучшем случае) руководителями румынской провинции⁴⁹. Приднестровье, как и Молдова, приобретает относительную устойчивость, у его населения формируется привычка к своему государству.

В унионистской идеологии возвращение Приднестровья не играет большой роли. Оно никогда не было частью исторической Молдовы и в 1918–1940 годах не было в составе Румынии. Возвращение Приднестровья противоречит унионистской идее незаконности пакта Молотова-Риббентропа и его последствий. «Мы не станем слишком бороться за него», — говорит в июле 1991 года Ю. Рошка⁵⁰. В этой логике естественны, скорее, претензии на южную, приморскую часть Бессарабии, присоединённую в 1940 году к Украине, на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого века очень распространённые в унионистских кругах⁵¹. Присоединение Приднестровья означало бы также усиление позиций русских и «русскоязычных» и размывание молдавского (румынского) характера Молдовы. Известный молдавский поэт Г. Виеру писал: «Я лично не обеспокоен тем, что имперские силы отобрали у нас Приднестровье—боюсь, чтобы нам его не вернули, потому что, получив обратно

49. Вот пример того, как параллелизм приднестровско-молдавских и молдавско-румынских отношений отражается в лексике. И. Смирнов, президент Приднестровья, говорит, обращаясь к властям Молдовы: «Мы не допустим исчезновения нашей республики» (Н. Приходько. Приднестровью незачем беспокоиться о своём статусе. Независимая газета. 1994, 6 сентября). В. Воронин: «Мы не дадим исчезнуть Молдове». Независимая Молдова. 2002, 26 февраля.

А вот что говорит о Румынии в интервью бывший министр юстиции Молдовы Ион Морей: «Нас — молдавское государство — толкают к самоисчезновению, самоликвидации, нас унижают и оскорбляют. Мы вынуждены защищаться». Независимая Молдова. 2001, 5 мая. Это — совершенно «приднестровская» лексика, только в Приднестровье она используется против Молдовы.

50. Ю. Рошка. Союз с Румынией — цель Молдовы. Советская Молдавия. 1991, 12 июля.

51. В январе 1991 г. в интервью М. Друк говорит, что Молдова должна вернуть потерянное в результате второй мировой войны, и «пока этого не будет, национально-освободительное движение не может остановиться». На вопрос интервьюера, не обменять ли Приднестровье на исконные молдавские земли, вошедшие в состав Украины, М. Друк отвечает: «Одно могу сказать: переговоры между Киевом и Кишинёвом, между Бухарестом и Кишинёвом неизбежны... Днестр всегда был естественной границей молдавских территорий. М. Друк. Искать основу другой цивилизации. Молодёжь Молдовы. 1991, 14 января.

Приднестровье, мы потеряем Бессарабию, а также отдадим или даже утратим окончательно возможность воссоединения с Родиной-матерью»⁵².

Но для молдавской «молдовенисткой» верхушки идея возвращения Приднестровья имеет громадное значение. Она становится важнейшим идейным орудием в борьбе с унионизмом, на который возлагается вина за его потерю⁵³. Поскольку главным мотивом приднестровского сепаратизма был страх объединения Молдовы с Румынией, курс на возвращение Приднестровья ведёт к стремлению развеять эти приднестровские страхи, всё жестче отмежёвываясь от унионизма, сближаясь с Россией и проводя максимально либеральную политику в отношении национальных меньшинств. (И, наоборот, для приднестровских деятелей очень важно сохранить угрозу объединения с Румынией как основного оправдания их сепаратизма, поэтому в приднестровской пропаганде она всячески раздувается).

И если для унионистов возвращение Приднестровья — это отодвигание в бесконечность перспективы объединения с «матерью-Родиной» и их окончательная политическая маргинализация, то для «молдовенистов», напротив, оно означает закрепление молдавской государственности и усиление их позиций, ибо для антиунионистского русскоязычного приднестровского электората они всегда были бы «меньшим злом».

Меньшинства — естественные союзники «молдовенистов» в борьбе с «унионистской опасностью», и парадоксальным образом меньшинства, и даже приднестровские и гагаузские сепаратисты становятся чуть ли не гарантами независимости Молдовы (гарантами от объединения с Румынией)⁵⁴. Такую же роль начинает играть Россия. Молдавская «молдовенистская» номенклатура, освободившаяся от «диктата Центра», не видит более в России угрозу независимости, скорее, наоборот, Россия — союзник в борьбе со значительно более близкой и страшной «румынской угрозой».

Какие бы политические успехи ни были у «молдовенизма», он ощущает свою культурную слабость и поэтому, как и в советское время, ему необходи-

52. Цитируем по речи приводящего эти слова (естественно, с осуждением) М. Снегура. Независимая Молдова. 1994, 10 февраля.1. В декабре 1991г. унионистский автор Ш. Мичинский пишет в газете «Цара»: «Для кого ещё не ясно, что Приднестровье потеряно?». Далее он говорит, что оно никогда не было частью исторической Молдовы и ради него не стоит оставаться «в славянской орбите». (См. К. Oborok. Încotro mergem? Moldova Suverană. 1992, 10 июня.1.

53. К. Оборок говорит в интервью, что Россия хотела Приднестровья, но ей была нужна какая-то идейная основа для этого. «И она нашлась. Это — пугало объединения с Румынией... К их великой радости, лозунг немедленного объединения... стал как бы визой «подтверждаю» на этой прокламации сепаратистов». Încotro mergem? Moldova Suverană. 1992, 10 июня.

54. Позже, в январе 2007г., в своей инаугурационной речи новый гагаузский «башкан» Д. Формузал очень ярко сформулировал эту парадоксальную роль: «Наличие Гагаузии в составе Молдовы — это одна из серьёзных гарантий целостности и независимости страны... Гагаузия — это одно из крыльев независимой Молдовы. Второе крыло — Приднестровье». www.regnum.ru./news/775589.html 7/01. В законе о статусе Гагаузии сказано, что в случае изменения государственного статуса Молдовы (то есть присоединения к Румынии) Гагаузия имеет право выйти из Молдовы.

мо максимально отгородиться от всего румынского и создать как можно худший образ Румынии. В официальной молдавской печати трудно встретить какие-то хорошие сообщения из Румынии, и наоборот, она с радостью перепечатывает все сообщения о её проблемах и трудностях. Иногда эта «румынофобия» принимает совершенно гротескные формы⁵⁵.

5. МАХОВИК РЕАКЦИИ — ОТ «ЛОВУШКИ НЕЗАВИСИМОСТИ» К ПОБЕДЕ КОММУНИСТОВ.

Нашей целью не является описание событий постсоветской молдавской истории. Но нужно подчеркнуть, что весь период 1992–2000 годов. — это период усиления «молдовенизма», советско-молдовенистской реакции на бурный унионистский порыв перестроечной эпохи.

М. Снегур — «строитель нового государства», он заключает договор с Россией, легитимирующий её военное присутствие в Приднестровье, и вводит Молдову в СНГ. Однако он слишком связан с унионистской и антисоветской эпохой рубежа 1980-х и 1990-х годов, он активно боролся с центром и называл СССР «империей зла». Для движения «Единство» он — такой же унионист, как и фронтисты, только более хитрый и коварный⁵⁶.

Снегур сам был напуган молдовенистской реакцией, которую он поддерживал и даже возглавлял⁵⁷, но которая в конце концов достигла неприемлемых для него размеров и угрожала обратиться против него. Он пытается занять «центристскую» позицию, отмежёвываясь от крайнего «молдовенизма», «попытки... возвести в ранг государственной антимолдавскую идеологию, которая напрямую проистекает из старой политики денационализации молдаван и удержания их на низком уровне культурного и духовного развития»⁵⁸, и вступает в конфликт с парламентом, руководством Аграрно-демократической партии и правительством. В 1995 году он выступил за то, чтобы в Конституции государственный язык официально назы-

55. Примером может служить статья Б. Нистора «Куда идти нам, молдаванам? Что светит в будущем для нас?», напечатанная в официальной «Независимой Молдове» 17 декабря 1994. В статье говорится, что молдаване «характерны духовностью (так в тексте), сходной с эпическим размахом и добродушием славян». И наоборот, «южане (жители бывшего княжества Валахии) более подвижны, но и развязны, сметливы в торговле и властолюбивы. Они хитрее, а их слово не имеет того веса, что у нас. Мышление у них «византийское», позволяющее без зазрения совести менять мнения в зависимости от наличных интересов».

56. «Факты... свидетельствуют, что принципиальных разногласий между Президентом и Народным фронтом Молдовы нет... Снегур... неоднократно давал понять, что присоединение Молдовы к Румынии — вопрос времени, а не принципа». Заявление Президиума республиканского совета Интердвижения «Унитатя-Единство». Независимая Молдова. 1991, 3 декабря.

57. Он говорит: «... Я не могу смириться с тем, что и в парламенте и в правительстве делается, или, по крайней мере, есть желание сделать так, чтобы не осталось и следа от 1989 года». Новая политическая партия в Молдове. Независимая Молдова. 1995, 18 июля.1.

58. Независимая Молдова. 1996, 13 февраля.

вался румынским, поддержав требовавших этого бастовавших студентов, и за аттестацию служащих на знание «государственного» языка. Но, несмотря на поддержку молдавских учёных, говорящих, что название «молдавский язык» — абсурдно, что это то же самое, что «американский» или «аргентинский» язык, парламент голосует против предложения Снегура изменить в конституции название языка.

Русский и русскоязычный электорат и «твёрдые» молдовенисты-аграрии могли поддерживать Снегура только в борьбе с унионистами. Но в 1996 году на президентских выборах его главным конкурентом становится старый соперник Снегура, ставший председателем парламента П. Лучинский, не «запятнанный» борьбой за выход из СССР и, хотя и «либерал» и «интеллигент» (в СНГ в своих речах цитировали Платона и подобных авторов только он и А. Акаев), но «пророссийский». Унионисты на выборах поддерживают М. Снегура как «меньшее зло», что ещё более сужает его электоральную базу. Хотя большинство этнически молдавских избирателей, очевидно, всё же голосовали за Снегура, это — не достаточное большинство, чтобы перевесить тотальную поддержку во втором туре Лучинского (скорее, тоже как «меньшего зла») русскоязычными⁵⁹. Лучинского поддержала и Партия коммунистов Молдовы⁶⁰, наследница запрещённой в августе 1991 года КПМ, которая была зарегистрирована в апреле 1994, после чего стала стремительно набирать силу.

Московский политолог (выходец из Молдовы) В. Брутер так характеризует силы, поддержавшие П. Лучинского: «Эти люди объединились, чтобы противостоять жёстко националистическому курсу, а то и перспективе превратиться в румынскую провинцию».⁶¹ У Лучинского — сильные московские связи, поддержка Москвы и вполне «рабочие» отношения с приднестровским руководством. Он опирается на старую, но «перестроившуюся» молдавскую номенклатуру — бывших работников ВЛКСМ и КГБ, очень далёкую от унионистского романтизма. Проблема объединения с Румынией вообще «сходит с повестки дня». Если Снегур говорил о ней как о далёкой или даже теоретической возможности, то Лучинский — как о давно ушедшей в прошлое идее чудаков-маргиналов⁶².

59. За Снегура проголосовали 57 % молдаван и только 7 % представителей меньшинств, за Лучинского — 43 % молдаван и 93 % меньшинств. См.: И. Сырбу. Так кто же проголосовал за Лучинского? Независимая Молдова, 1996, 26 декабря. С. 2.

60. Партия коммунистов заявляет: «Претензии к спикеру... не идут ни в какое сравнение с той опасностью, которая грозит народу... в случае победы Мирчи Снегура». Независимая газета. 1996, 20 ноября. С. 3.

61. «Лучинский — очередной молдавский эксперимент». Независимая газета. 1997, 15 января. С. 3.

62. «Что касается объединения, то да, есть и в Молдове некоторые люди, которые говорят, что, может быть, и нам стоит попробовать последовать примеру России и Белоруссии и создать аналогичный союз с Румынией. Однако эти призывы не были поддержаны ни интеллигенцией, ни народом». Пётр Лучинский. «Мы сделаем всё для того, чтобы сохранить самые тёплые связи между Молдовой и Россией». Независимая газета. 2000, 23 мая. С. 5.

На парламентских выборах 1998 года христианские демократы выступают вместе с Партией возрождения и согласия Снегура, и в программе их объединения, Демократической конвенции, нет пункта о создании единого государства с Румынией, а говорится только об «отношениях братства с Румынией на основе духовного и культурного единства»⁶³. Их блок получил 19,36 % голосов и 26 мест. Партия демократических сил, созданная на основе умеренного Блока крестьян и интеллигенции, — 8,82 % и 11 мест. Пропрезидентский Блок за демократическую и процветающую Молдову — 18,1 % и 24 мандата. Зато коммунисты, расширившие свой электорат за счёт традиционалистского крестьянского электората распавшихся и сошедших на нет аграриев и русскоязычного электората выступавших до регистрации коммунистов как их суррогат социалистов и «Единства» — 30 % и 40 мест⁶⁴.

Тем не менее эпоха Лучинского — это ещё не пик советско-молдовенистской реакции.

Пик наступает в 2001 году, когда на внеочередных выборах полное большинство в парламенте (71 место из 101) завоёвывают коммунисты, получившие 49,9 % голосов, и президентом (уже избранным парламентом, в соответствии с изменениями к конституции, принятыми в сентябре 2000 года) становится их лидер В. Воронин. В начале воронинского правления советско-молдовенистская реакция принимает крайние формы, не очень далёкие от ранней приднестровской идеологии.

В идеологии В. Воронина изначально были некоторые своеобразные элементы, о которых мы скажем ниже. Но совершенно неверно думать, исходя из его последующей «европейски-либеральной» эволюции, что от коммунизма в ней было только название. Он — настоящий постсоветский коммунист, ностальгирующий по советскому прошлому. Он открыто сожалеет о гибели СССР⁶⁵, говорит об «искривлённой логике тех мощных империалистических сил, что... осуществляют искусственный переход целых стран и народов обратно к капитализму»⁶⁶, и заявляет, что «Молдова обречена» войти в союз России и Белоруссии⁶⁷. Он возлагает цветы к памятнику Ленина и говорит, что «сегодня мы переживаем период временного поражения социализма»⁶⁸ и что классовую борьбу никто не отменял, «она только приняла новые формы»⁶⁹. Он — «интернационалист» и выступает за расширение роли русского языка (вначале даже — за придание русскому стату-

63. Мирча Снегур, Юрие Рошка: «Есть такая конвенция». Независимая Молдова. 1997, 25 июня.

64. Н. Приходько. Куда качнётся центр. Независимая газета. 1998, 28 марта.

65. «Тогда, в 1991 г., многие были против тех, кто требовал независимости... Многие не верили, что ненависть и нетерпимость могут быть хорошим строительным материалом. Изначально не допускали, что стихия разрушения, перекройки границ, внезапного перерождения вчерашней партноменклатуры в демократическую элиту может оказаться конструктивной силой». Независимая Молдова..2001, 29 августа.

66. В. Воронин. От разрушения — к созиданию. Независимая Молдова. 1998, 6 марта.

67. Независимая Молдова. 2001, 23 февраля.

68. Независимая газета. 1997, 12 ноября.

69. Независимая Молдова. 2002, 24 апреля.

са второго государственного языка). Он называет унионистского лидера Ю. Рошку «представителем интересов другого государства, давно находящимся на содержании другой страны».⁷⁰ («Другое государство» — типичный молдавский эвфемизм, употребляемый вместо слова «Румыния».)

Молдовенизм — неотъемлемая часть этого идеологического комплекса, и в первый срок воронинского правления происходит фронтальное молдовенистское наступление на культуру, принимающее гротескные формы. В это время возникают практически советские и антирумынские курсы истории Молдовы, вызывающие не только отторжение, но возмущение и даже брезгливость у молдавской прорумынской интеллигенции, появляется молдавско-румынский словарь, в котором, например, «молдавское» слово «совет» переводится румынским словом «сфат» (такого словаря не было издано даже в советское время).

6. РАСКОЛОТОЕ ОБЩЕСТВО

Реакции (мы употребляем это слово не оценочно, реакции так же естественны, как и революции) проходят в той или иной форме во всех постсоветских и всех посткоммунистических странах. Но они принимают разные формы. И молдавская форма — самая необычная.

С одной стороны, Молдова — единственная постсоветская и посткоммунистическая страна, в которой реакция на 1991 год приняла идеологически самую крайнюю форму. Не усиления «советских» элементов в официальной идеологии и в политической практике, как в России, и не победы сменившей название партии либеральной части старой коммунистической номенклатуры, как в Польше или Литве, а колоссальной электоральной победы именно коммунистической партии, не сменившей своё название, всячески подчёркивающей свою верность прошлому⁷¹ и видящей себя преемницей КПМ⁷².

70. Владимир Воронин: «Партия коммунистов не намерена монополизировать власть в Молдове». Независимая Молдова. 2001, 23 февраля.

71. «Нам, в отличие от тех, пережившихся, не стыдно за наше прошлое и настоящее. Мы не предавали, не продавались, мы не изменяли своему флагу и идее, не глумились над памятью павших, мы не разрывали и не уничтожали народное достоинство, мы не разжигали вооружённые конфликты и не отказывались от своих друзей и товарищей, какой бы национальности они ни были». Есть такая партия! (Интервью В. Воронина). Независимая Молдова. 1996, 5 ноября.

72. Идеинная преемственность не означает преемственность социальную. Старая советская номенклатура отнюдь не стала коммунистами, а в основном вошла в различные «центристские» партии. Один из лидеров коммунистов В. Степанюк пишет о первых шагах и успехах ПКМ: «Уже на этом этапе стало ясно, что бывшая советская и партийная бюрократия, абсолютное большинство членов КПМ не желает вернуться в ряды коммунистов». В. Степанюк. Мы — за прогресс социализма. Независимая Молдова. 2003, 24 октября.

В идеологии и психологии Воронина есть очень сильный «антиэлитарный» компонент, осуждение тех, кто, в отличие от него самого, с лёгкостью отказался от коммунистических идеалов... Возможно, это облегчило позднее сближение Воронина с унионистами. Рошку он называл «слугой другого государства» и «политическим террористом», но в этой ругани нет оттенка морального отвращения и брезгливости.

С другой стороны, Молдова — единственная страна в СНГ, где произошло уже две нормальные конституционные демократические ротации власти. Это единственная страна, которая пошла не по пути укрепления президентской власти, а по пути её ослабления — перешла в 2000 году от президентской к парламентской республике. (Украина встала на этот путь позже и в совершенно других условиях, порождённых «оранжевой революцией», и даже она не перешла к избранию президента парламентом). Это — страна, где со снегуровских времён Конституционный суд — важнейший и реально независимый участник политического процесса. Идеологически Молдова чуть ли не вернулась к советскому прошлому, но по своей политической системе отошла от него дальше, чем все остальные республики СНГ и почти так же далеко, как республики Прибалтики. По рейтингам политической свободы, составляемым «Фридом хауз», на протяжении всего постсоветского периода Молдова получает самую высокую оценку среди стран СНГ и значительно ближе к странам Прибалтики, чем, например, к России⁷³. Самая демократическая страна СНГ и единственная, в которой у власти стоят коммунисты — это очень своеобразное сочетание. Чем же его можно объяснить, и играет ли какую-то роль в возникновении такой комбинации специфика молдавского самосознания?

Естественно, не следует ни представлять постсоветское политическое развитие Молдовы как единственно возможное, ни однозначно выводить всё его своеобразие из одного фактора — особенностей молдавского самосознания. Несомненно, в политическом развитии Молдовы играли роль многие факторы, в том числе и чисто случайные и личные, и победу коммунистов, например, трудно представить себе без субъективного фактора — яркой личности их лидера. И тем не менее очевидно, что особенности молдавского самосознания — важнейший фактор, сделавший возможным уникальное молдавское сочетание победы коммунистов и упрочения демократии.

Любая реакция — никогда не полная. Воспрянувший молдовенизм не может полностью вытеснить «румынизм» и унионизм. Многие «завоевания» перестроечного периода сохраняются — возвращение к славянской графике, отказ от символики или прекращение культурных связей с Румынией стали уже невозможны. И хотя маятник молдавского общественного мнения отшатнулся от унионизма, как в перестроечную эпоху унионистского доминирования не исчез советский «молдовенизм», так и последующая молдовенистская волна не могла смыть унионизм.

Лиц с прочным румынским самосознанием⁷⁴ — меньшинство, но это — большое меньшинство. Электорат унионистских партий никогда не опускался ниже 10 %.

73. По принятой во Фридом Хауз шкале, по которой 7 — минимальная и 1 — максимальная оценка, в последние годы Россия имела оценку по уровню политической свободы — 6, Молдова — 3. Для сравнения оценка Эстонии и Латвии — 1, Белоруссии — 7.

74. Ясно, что при общности языка идентификация индивида как молдаванина или румына — лабильна, и люди могут легко менять идентификацию. Нам даже довелось слышать от одного (умного и интеллигентного) человека, что до казни Чаушеску он

Но дело не только в количестве, но и в «качестве» этого меньшинства. Это — в первую очередь интеллигенция и особенно — интеллигентная и учащаяся молодежь, активная и доминирующая на унионистских митингах. И это — люди, для которых то, что молдаване — румыны, даже больше, чем убеждение, это — аксиома, не требующая доказательств.

Наличие сильного, влиятельного и убеждённого «румынского» унионистского меньшинства и раскол общества на «молдаван» и «румын» придают особый характер молдавской политической жизни. Этот «квази-национальный» раскол, когда политические предпочтения связаны с разной национальной самоидентификацией⁷⁵ и с разной церковной принадлежностью (унионисты — прихожане восстановленной в 1992 году румынским патриархатом Бессарабской митрополии, основная часть населения — прихожане подчинённой Москве Кишинёвской митрополии) — глубже и прочнее, чем обычный раскол на «левых» и «правых». Так как речь идёт об очень глубоком — о твоей национальной принадлежности, о самом существовании твоего государства, отношения разных групп элиты друг с другом приобретают болезненный характер⁷⁶. Для молдовенистов унионисты — это «унионистская клика», служащая «соседнему государству»⁷⁷, борьба с ним — это борьба за «спасе-

считал себя румыном, но эта казнь так возмутила его, что он стал молдаванином. Равным образом грань между румынской и молдавнской идентификацией не всегда — резкая, могут быть переходные формы и неопределённые идентификации.

75. Был только один опрос (насколько нам известно), который выделяет румын и молдаван в отдельные графы — Institut de Politici Publice. Barometru de opinie publică. Noiembrie 2006. Но этот опрос ярко показывает связь деления на основе идентичностей с политическим размежеванием по линии «правые — левые». Так «румыны» больше, чем «молдаване», склонны считать, что страна идёт в неверном направлении (70,3 % румын и 53,8 % молдаван). У румын больше, чем у молдаван, недовольство политикой властей (коммунистических) во всех сферах (в сельском хозяйстве — 75,7 % и 71,5 %, в образовании — 62,2 % и 49,9 %, культуре — 59,5 % и 54,1 %, здравоохранении — 73 % и 69,2 %, внешней политике — 70,3 % и 60,3 %). Они, скорее, оценивают экономическую ситуацию в Молдове как плохую и очень плохую (37,8 % и 23,3 %). Румыны — больше антикоммунисты. За закон о люстрации — 45,9 % румын и 30,6 % молдаван. Считают Воронина самым коррумпированным человеком в Молдове — 13,5 % и 7,2 %. Думают, что при коммунистическом правительстве коррупция усилилась — 45,9 % и 34,2 %. Доверие к Воронину имеют 18,2 % румын и 46,2 % молдаван, к Партии коммунистов — 8,1 % и 41,6 %, наоборот, к унионистским социал-либеральной партии — 37,8 % и 13,8 %, христианско-демократической народной партии — 40,5 % и 14,7 %; считают, что ПКМ наиболее отражает их интересы, — 0 % румын и 55,5 % молдаван. Заявили, что на референдуме о вступлении в ЕС голосовали бы «за», 72,9 % молдаван и 81,1 % румын. Румыны — скорее, считают, что для этого вступления нужно прежде всего глубокое реформирование страны по модели стран ЕС (46,9 % и 31,8 %).

76. Поскольку проблема молдавской идентичности — самая болезненная в Молдове, как это часто бывает, такую проблему стараются обходить. Возникают особые эвфемизмы. «Соседнее государство» вместо Румынии, «государственный язык», чтобы не называть его ни молдавским, ни румынским. Это в значительной мере влияет на научные исследования. Серьёзных исследований о распространении румынской и молдавской идентичностей в Молдове — нет.

77. Так, один из идеологов молдовенизма В. Стати может писать, что регистрация подчинённой румынской патриархии Бессарабской митрополии «приведёт к расколу... на «своих», которые защищают свою церковь, свою историю, свои земли, и «чужих» —

ние молдавской нации от неизбежной гибели»⁷⁸, для унионистов молдовенисты — это «манкурты», искусственно выращенные советским режимом.

Установившееся в других республиках бывшего СССР «разделение труда», когда каждый занимается тем, что для него наиболее важно: проблемами национального культурного строительства — одни, а проблемами государственного управления и экономикой — другие, в Молдове становится невозможным, ибо полем борьбы является сама культура. В Молдавии невозможно то отношение, которое возникло к власти у националистической интеллигенции в других республиках — «как бы то ни было, какой бы недемократической, оппортунистической и коррупционной ни была власть, но происходит самое важное — крепнет, встаёт на ноги наше национальное государство». Для значительной части интеллигенции само это государство — нечто ненормальное и незаконное.

Если прибавить к этому, что значительный удельный вес в населении имеют русские и русскоязычные, для части которых молдавское государство — тоже историческое недоразумение, только совсем иного рода, то становится очевидной естественная слабость молдавского государства и крайние трудности, на которые наталкиваются любые попытки президентов сплотить вокруг себя молдавскую элиту и молдавское общество.

Бывший спикер парламента, в то время — горячий сторонник Лучинского, потом его противник Д. Дьяков писал в 1997 году: «Ни в одном государстве с устойчивой социально-политической системой не может иметь место ситуация, когда в парламенте образуют собственные фракции (как в случае с ХДНФ), либо даже входят в состав мажоритарного большинства (блок Соцединства) политические объединения... добивающиеся ликвидации самого суверенитета данного государственного образования».⁷⁹ Дьяков пишет это с надеждой, что предстоявшие выборы дадут победу «здоровому центризму». Но победы не было. Унионистское меньшинство — очень прочное, с очень стойким электоратом. А хотя распространявшие тексты Жириновского с призывом превратить Молдову в бессарабскую губернию «Единство» в парламент не прошло, его голоса перешли просто к коммунистам с их идеологией верности СССР.

Слабость молдавского «центризма», не коммунистического «молдовенизма», который отстаивали Дьяков и Лучинский — отражение объективной слабости молдавского самосознания и глубокого раскола молдавского общества, в котором нет и не может быть единства по самому основному вопросу, есть или нет молдавская нация. Вопросу, который просто не встаёт перед другими титульными нациями бывших советских республик.

И на наш взгляд, этот глубокий раскол способствовал своеобразной демократичности постсоветской Молдовы. Неудачи авторитарных попыток

румьн, которые опять идут, чтобы захватить церкви, испоганить историю Молдовы, захватить земли молдаван». Независимая Молдова. 2002, 21 мая.

78. В. Раду, Н. Михня. Румынизм и возрождение Молдовы». Независимая Молдова. 1995, 24 августа. С. 2.

79. Д. Дьяков. Политика и политиканство. Независимая Молдова. 1997, 5 сентября.

молдавских президентов связаны не с психологическим неприятием обществом авторитаризма (если бы такое неприятие было, не было бы такой победы коммунистов), а с тем, что эти попытки наталкиваются на жёсткое сопротивление сил, для которых неприемлем не столько авторитаризм, сколько национальный молдавский, «молдовенистский» характер этого авторитаризма.

7. ОТ АВТОРИТАРНЫХ ПОПОЛЗНОВЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТОВ К ПОБЕДЕ КОММУНИСТОВ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМА.

Тенденция к установлению типичной для стран СНГ системы безальтернативной президентской власти в Молдавии была. М. Снегур жаловался, что у него связаны руки и ему недостаёт полномочий, чтобы выполнить народный мандат и привести страну к благосостоянию, и он вступил в «нормальные» для всех стран СНГ 1990-х годов конфликты с парламентами. «В ситуации, когда страну сотрясает тяжёлый кризис, очень важно... чтобы один человек взял на себя ответственность за его преодоление»⁸⁰.

Снегур уходит из аграрно-демократической партии и создаёт свою партию (Партия возрождения и согласия), главный пункт программы которой — усиление президентской власти. При этом, хотя его никак нельзя назвать про-российским политиком, он, несомненно, вдохновляется прежде всего примером России⁸¹. Очень трудно сказать, было ли у Снегура искушение пойти по примеру России до конца и разрешить свой конфликт с парламентом по ельцинскому образцу. В этом его подозревали противники⁸² и к этому его подталкивали некоторые молдавские интеллигенты — «демократы», вполне стоящие своих российских аналогов⁸³. Но даже если оно было, сил для такого разрешения конфликта у него не было⁸⁴.

80. М. Снегур. Не могу мириться с таким положением (Интервью). Независимая Молдова, 1996, 29 марта.

81. «Пример Российской Федерации... и других стран... демонстрирует, что без реальных полномочий глава государства не может установить порядок, обеспечить исполнение закона, право простого человека на получение пенсии вовремя». М. Снегур. Выступление по национальному радио. Независимая Молдова, 1996, 11 сентября. Лидер коммунистов В. Воронин говорит в связи с этим: «Мечта... о «ельцинской конституции»... не даёт покоя нашему... президенту...» В. Воронин. «Президентство — излишний и неоправданный институт для нашего государства. Независимая Молдова, 1996, 8 октября.

82. В. Брутер пишет, что благодаря союзу Лучинского и премьера Сангели «удалось довести страну до демократических выборов, избежав установления президентской диктатуры ещё до голосования». В. Брутер. Лучинский — очередной молдавский эксперимент. Независимая газета, 1997, 15 января. С. 3.

83. Так, Н. Дабижэ пишет в «Литература ши Арта»: «Хватит ли у М. Снегура смелости Б. Ельцина расстрелять из пушек парламент... который... ничего другого не заслуживает?» Цит. по: А. Басараб. Логократия — власть разума. Независимая Молдова, 1995, 5 сентября.

84. Очень характерно, что попытка Снегура отстранить министра обороны И. Крянгэ не увенчалась успехом. Крянгэ просто отказался подчиниться, утверждая несоответствие указа Конституции, и Конституционный суд встал на его защиту и указ отменил.

Снегур наталкивается на сильнейшее сопротивление, которое вызвано главным образом тем, что для русскоязычных и для наиболее «молдовенистской» части элиты он — неприемлемая, «подозрительная», связанная с унионистами и Румынией фигура⁸⁵.

Но в этом сопротивлении всё громче высказывается мысль о том, что Молдове вообще не нужен президент или, во всяком случае, сильная президентская власть. Эту мысль высказывают как унионисты, так и их антагонисты — коммунисты. Лидер коммунистов В. Воронин говорит: «народовластие в полном смысле слова и институт президентства — две вещи несовместимые».⁸⁶

Вступив в конфликт и с парламентским большинством во главе со спикером Лучинским, и с правительством аграриев, Снегур проигрывает Лучинскому президентские выборы. Мирный переход власти от главы государства к его сопернику — случай в СНГ совсем не типичный. Тем не менее в 1990-е годы такое ещё было возможно без «цветных революций» (мирно и конституционным путём на выборах в Украине Л. Кучма победил Л. Кравчука, а в Белоруссии — А. Лукашенко В. Кебича). И в какой-то мере его можно было объяснить различными случайными факторами. Но дальнейшее развитие показывает, что это было совсем не случайно. Молдавская политическая структура начинает эволюционировать в направлении, противоположном направлению эволюции других стран СНГ.

Как спикер Лучинский, естественно, боролся с попытками ограничить парламентские прерогативы и считал, что у президента власти достаточно⁸⁷. Когда изменилось его положение, быстро изменились и его убеждения. Лучинский, как и Снегур, вступает в конфликт с парламентом и предпринимает серьёзную попытку установить систему президентского единовластия по вдохновлявшему его, как раньше Снегура, образцу России и Белоруссии⁸⁸. И в этой борьбе он опирается на значительную поддержку самых широких слоёв молдавского общества, как и все общества стран СНГ, стремящегося к «порядку» и вполне готового пожертвовать ради этого порядка частью завоёванных в перестроечную эпоху свобод — по своей психологиче-

85. Значительную роль в антиснегуровской пропаганде сыграла опубликованная запись его частного разговора с румынскими политиками на курорте в Румынии, где Снегур отдыхал во время рождественских каникул. Разговор начался с фразы Снегура: «Некоторые (имеется в виду П. Лучинский) проведут отпуск в Подмосковье, я же приехал домой». Далее Снегур говорит, что объединение в конечном счёте неизбежно. См.: Случится то, что случится. Независимая Молдова. 1996 22 марта.

86. В. Воронин: Для нас выдвижение собственного кандидата в президенты — не самоцель (Интервью). Независимая Молдова. 1996, 6 августа.

87. «Мы признали принцип разделения властей... Наш президент... обязан объединять и координировать их работу. И в этом смысле полномочий для него достаточно». Интервью П. Лучинского. Независимая газета. 1996, 13 августа. С. 1,3.

88. Если Лучинский прямо ссылается на пример России и Белоруссии, то ставший его непримиримым противником спикер Д. Дьяков говорит, что президент стремится к «установлению в стране авторитарного режима наподобие тех, что существуют в некоторых странах СНГ, Африки и Азии». А. Григорьев. Окончательное решение — за народом Молдовы. НГ-Содружество. 1999, 24 октября. С. 6 (14)

ской готовности к демократии молдавское общество не очень-то отличается от обществ других стран СНГ⁸⁹.

Лучинский добивается проведения в мае 1999 года «консультативного» референдума (Конституционный суд, значение и самостоятельность которого резко усилились в ситуации постоянных конфликтов ветвей власти, постановил, что объявить референдум, чьи решения имели бы прямое значение, как к этому стремился Лучинский, можно лишь с согласия парламента), на котором идею введения президентской формы правления через изменения в Конституции поддерживают 55 % проголосовавших. И это, несмотря на то, что против таких изменений выступают практически все политические партии.⁹⁰ В стремлении к установлению сильной президентской власти «эсэнгэшского» типа Лучинского поддерживают и Россия, и даже приднестровские власти. (В Приднестровье устанавливается типичная для стран СНГ система власти «безальтернативного» президента И. Смирнова). Но и Лучинский терпит поражение. В июне 2000 года парламент принимает поправки к Конституции, не только не расширяющие полномочия президента, но напротив, вводящие избрание президента парламентом и превращающие Молдову в парламентскую республику. Противники Лучинского опасаются, что он может пойти на силовое решение проблемы по российскому образцу 1993 года (такие страхи были раньше в отношении Снегура). Но этого не происходит.

В борьбе с Лучинским вместе выступали не только правые и коммунисты, но и часть ранее поддерживавших его, но вступивших с ним в конфликт центристов во главе со спикером Дьяковым. Они, естественно, предполагают, что новым президентом станет какая-то тоже центристская, умеренная и приемлемая для всех фигура. Но попадают в «ловушку». На парламентских выборах президента лидер коммунистов В. Воронин выдвигает свою кандидатуру. Набрать необходимого числа голосов он не может, но не на какие компромиссы не идёт. Дьяков обращается с открытым письмом к Воронину и в ЦК ПКМ, где говорит, что ему и в голову не приходило, что коммунисты будут выставлять свою кандидатуру, и где он умоляет их одуматься, понять, что коммунистический президент был бы катастрофой для Молдовы и согласиться на кого-нибудь нейтрального и надпартийного⁹¹. Но Воронин не поддаётся. После трёх безрезультатных голосований

89. Мы полностью согласны в этом отношении с автором статьи: Lucan A. Way. Pluralism by Default in Moldova. *Journal of Democracy*. October, 2002.

90. В том числе — и совсем недавно борováшаяся именно за сильное президентство Партия возрождения и согласия М. Снегура. Изменения позиций Лучинского и Снегура по отношению к президентской власти в зависимости от того, о чьём президентстве идёт речь, производит даже несколько комическое впечатление. Теперь Снегур говорит: «Общество начало привыкать к демократии. В подобных условиях переход к более жёсткому президентскому режиму, по типу белорусского или казахстанского, означал бы шаг назад». Экс-президент Молдовы хотел бы завершить начатое. (Интервью М. Снегура). Независимая газета. 2001, 17 февраля. С. 5.

91. Д. Дьяков. Открытое письмо господину Воронину, первому секретарю ПКМ, членам ЦК ПКМ. Независимая Молдова. 2000, 13 декабря.

Лучинский распускает парламент и назначает внеочередные парламентские выборы. Выборы в феврале 2001 года приносят громадную победу коммунистам, получившим 49,9 % голосов и 71 из 101 места, и парламент голосами только коммунистической фракции избирает президентом В. Воронина.

Если до 2000-х годов развитие Молдовы можно было представить как более замедленное и осложнённое движение по тому же пути, по которому шли в это время все страны СНГ, то теперь Молдова переходит на совершенно иной путь.

Огромную роль в этом повороте сыграла позиция прорумынского унионистского меньшинства и выражающих его взгляды партий, которые понимают, что сильная и «безальтернативная» президентская власть по «общеэснгэшской модели» не только закрепила бы эту государственность, которая могла быть основана лишь на «молдовенизме», и отодвинула бы в бесконечность перспективу объединения, но практически исключала бы само существование унионистских партий. Раскол молдавской элиты открыл дорогу к власти коммунистам, также боящимся (несмотря на свои пророссийские внешнеполитические стремления) перспективы президентской власти эснгэшского типа, при которой, как это чётко понял Воронин, им нет места так же, как и унионистам.⁹² При этом партийные и идеологические мотивы коммунистического руководства идут вразрез с авторитарными настроениями коммунистического электората, но Воронин не идёт за этими настроениями.

Противоречия в некоммунистической части элиты в Молдове были слишком сильны для создания единого антикоммунистического фронта, вроде того, который был в России в 1993 и 1996 годах, когда все группировки элиты предпочли авторитарную президентскую власть перспективе коммунистического реванша.

Более того, в борьбе с общей опасностью усиления президентской власти в Молдове происходит как бы блокирование друг с другом крайних политических и идеологических противников — коммунистов и унионистов. Поддерживающие Лучинского «центристы» называют это блокирование «чудовищной коалицией» (термин из румынской истории: так назвали коалицию

92. В. Воронин говорит в 2000 г. о преимуществах парламентской республики: «Такой подход... исключает откровенный авторитаризм — вроде того, который мы видим сегодня в Украине и Грузии и который пытался насадить в Молдове теперешний президент Лучинский». Алло. Это прямая линия? Независимая Молдова. 2000, 20 декабря. «Давайте оглянемся вокруг... Президенты республик — это Шеварнадзе, Алиев, Назарбаев, Кучма. Это — золотые статуи Туркменбаши. Вам понравилось бы нечто подобное в Молдове?» Владимир Воронин отвечает на вопросы. Независимая Молдова. 2001, 20 февраля. «Нам не подходят модели культа личности, как это происходит в Казахстане, Азербайджане, Узбекистане и других странах». Независимая Молдова. 2001, 23 февраля.

Воронин, естественно, избегает здесь упоминать Россию. Но несомненно, что на деле Россия была главным примером пути, которого хотели избежать коммунисты. Пётр Лучинский говорит, что его упрекали в том, что он пытается провести «российский вариант... с домашним влиянием так называемой «семьи». Но ведь это же... передёргивание фактов. Когда это моя семья собиралась править страной?» П. Лучинский. Профессия — президент. М. 1999. С. 112.

либералов и консерваторов, свергнувших в 1864 году первого государя объединённых Валахии и Молдовы А. Кузу)⁹³.

Христианские демократы — унионисты и коммунисты вместе сорвали попытку Лучинского провести поправки к Конституции, укрепляющие президентскую власть, которые могли бы сделать Молдову более или менее «нормальной» республикой СНГ⁹⁴. Унионисты и коммунисты вместе голосовали в парламенте в 2000 году за переход к парламентской республике. Унионисты были за парламентскую республику, несмотря на угрозу возникновения коммунистического парламентского большинства и прихода коммунистов к власти, ибо коммунисты казались им меньшей опасностью, чем установление президентского режима⁹⁵.

В данной статье мы не даём оценок, мы не разбираем «ошибки» и «правильные решения» молдавских политиков. И все же совсем обойтись без оценок нельзя. И коммунисты, и унионисты в период борьбы с проектом Лучинского принимали трудные решения.

Воронин пошёл на значительный риск. Ему нужно было пойти против авторитарных тенденций своего электората, против поддерживавшей Лучинского России⁹⁶ и решиться поменять удобное положение лидера крупнейшей оппозиционной (или даже входящей в правящую коалицию) партии на почётное, но опасное положение единственного коммунистического президента в Европе. Нужно было поверить себе, а не многочисленным

93. См. О. Нестерова. Метили в президента, а попали в вице-спикера. Независимая Молдова. 1997, 22 июля. В. Солонарь, молдавский политик, вначале — сторонник «Единства», затем примкнувший к Лучинскому, говорит, что эта «чудовищная коалиция» «абсолютно деструктивна... ибо силы, её составляющие, не объединяют ничего, кроме ненависти и жажды реванша». (В. Солонарь. Состоится ли политический центр в Молдове? Независимая Молдова. 1997, 14 августа.) На наш взгляд, значительно вернее говорит об этом Д. Дьяков: «Странным выглядит этот союз... коммунистов и фронтистов, но он защищает их общие интересы». Д. Дьяков. Этот парламент изжил себя (Интервью). Независимая Молдова. 1997, 29 июля. Румынская коалиция 1864г., направленная против авторитарных стремлений Кузы, также была отнюдь не противоестественной и защищала общие интересы.

94. Для того, чтобы понять своеобразие молдавской ситуации, представим себе, чтобы СПС и «Яблоко» в России объединились с коммунистами для борьбы с усилением власти Ельцина.

95. Очень трудно сказать, насколько унионисты осознавали реальность угрозы прихода коммунистов к власти. Несмотря на колоссальные успехи ПКМ, большинство молдавских политиков в перспективе их победы не верили. П. Лучинский, например, ещё в 1999г. с уверенностью заявлял: «У нас всегда будет много партий. Чтобы кто-то один победил, взял абсолютное большинство — исключено» (П. Лучинский. Профессия — президент. М. «Собеседник» 1999. С. 17). А когда эта победа произошла, он сказал: «Никто не ожидал такого успеха коммунистов, даже они сами» (А. Фрунзе. Петру Лучинский не ждёт перемен. Независимая Молдова. 2001, 16 марта).

Но реакция на победу коммунистов Ю. Рошки — это совсем не реакция ужаса и растерянности. Он говорит: «Мы избавились от парламента воров, теперь осталось избавиться от коммунистов». См.: Рошка уверен в крахе ПКРМ. Независимая Молдова. 2001, 1 марта.

96. Как пишет В. Брутер, Воронин вызывался в Москву, и там по просьбе Путина В. Крючков уговаривал его изменить свою позицию. В. Брутер. Осень президента Лучинского. Независимая газета. 2000, 17 августа. С. 4.

прогнозам окончательного краха ПКМ⁹⁷ и уговорам отказаться от президентства и пойти на коалицию с центристами. Правым унионистам надо было «сдержать» свой естественный антикоммунизм, не поддаться страху перед коммунистическим реваншем и предпочесть перспективу власти социально и культурно чуждых коммунистов перспективе «интеллигентной» диктатуры цитирующего Платона Лучинского. И тем и другим нужно было пойти против общего эсэнгэшского течения, эсэнгэшской «нормы», пойти по непроторенному, неизвестному и опасному пути.

Но, как показало дальнейшее развитие событий, эти трудные решения были правильные. Воронин не только смог демократическим путём победить и привести к власти свою партию. Коммунисты под его руководством, несмотря на все предсказания, что их правление будет иметь катастрофические последствия и приведёт к их окончательной дискредитации, смогли убедительно победить и на следующих вполне демократических выборах. Унионисты же смогли сохранить демократическое пространство для своей политической деятельности, добиться значительных успехов в достижении своей цели интеграции в Европу и сохранить унионистскую перспективу.

8. ПИК СОВЕТСКО-МОЛДОВЕНИСТСКОЙ РЕАКЦИИ

Оглушительная победа коммунистов, получивших на выборах 2001 года 49,9 % голосов и 71 место (кроме коммунистов, в парламент прошли центристский «Альянс Брагиша» — 13, 4 % и 19 мест и христианские демократы — 8,3 % и 11 мест) привела к тому, что, несмотря на переход к парламентской республике, власть в Молдове приобрела значительно большую устойчивость. И в руках у избранного парламентом, но опирающегося на прочное большинство дисциплинированных коммунистических депутатов, реально оказалось значительно больше власти, чем у его предшественников, избранных общенародным голосованием. И соответственно — значительно больше возможностей для проведения последовательной и жёсткой антиунионистской и «молдовенистской» политики. Приход к власти Партии коммунистов Молдовы — это пик советской и «молдовенистской» идеологической реакции. Но очень скоро стали видны её пределы.

97. В. Брутер писал о голосовании коммунистов за парламентскую республику: «Можно предположить, что решение коммунистов — это своего рода акт отчаяния, которым они расписались в отсутствии собственных перспектив... Скоро они останутся один на один со всей (вполне враждебной по отношению к ним) политической элитой Молдовы и без каких-либо шансов прийти к власти. Коммунисты совершили ещё одну крайне серьёзную ошибку, проголосовав за закон, который противоречит настроениям подавляющей части молдавского общества, выступающего за усиление президентских полномочий». Независимая газета. 2000, 8 июля. С. 5. Он же писал: «По всей видимости, коммунисты решили, что это их последний шанс ещё на какое-то время остаться в большой политике, и чувство реальности некоторым образом им изменило». В. Брутер. Осень президента Лучинского. Независимая газета. 2000, 17 августа. С. 4.

В идеологии Воронина с самого начала присутствовали своеобразные «демократические» элементы, которые нельзя рассматривать как имеющие только тактическое значение. Его предпочтение парламентской республики и отвержение «режимов культа личности», несомненно, не только тактика, но какая-то своеобразная «либерально-демократическая» интерпретация старых коммунистических идей и лозунгов «власти Советов».

Став президентом, Воронин отлично понимал, что положение президента-коммуниста будет очень трудным⁹⁸ и, естественно, особенно старался подчеркнуть свои демократичность и реализм⁹⁹. Он с самого начала говорит о верности всем международным обязательствам и защите иностранных инвесторов и на вопрос, куда он поедет прежде всего, отвечает: «В Страсбург, там расположены руководящие органы Европейского сообщества»¹⁰⁰. Он создаёт «технократическое» правительство, где из 15 министров — только 2 коммуниста. Тем не менее приход к власти Воронина породил и у его избирателей, и у него самого множество несбыточных ожиданий, которым не суждено было исполниться.

Некоторые обещания Воронина носили, скорее, специфически предвыборный характер, и он отказался от них относительно легко. Так, сразу же были отправлены в долгий ящик обещания сделать русский вторым государственным и ввести Молдову в Союз Белоруссии и России¹⁰¹. Но в ряде вопросов Воронину пришлось признать своё поражение и отказаться от дорогих ему планов.

Молдовенистское наступление коммунистов в области культуры и образования наткнулось на ожесточённое сопротивление. Громадные унионистские митинги протеста 2002 года против введения преподавания русского со второго класса и замены в школах истории румын на историю Молдовы, организованные Ю. Рошкой, приобрели очень бурный характер¹⁰² и грозили перерасти в столкновения с силами правопорядка. Под давлением и митин-

98. Он говорит на пленуме ЦК ПКМ: «Нам придётся работать под пристальными взглядами 30 политических формирований, отнюдь не испытывающих к нам симпатий. Каждый наш шаг будет подвергнут изучению и критике. Каждая наша ошибка, даже незначительная, будет раздуваться до чудовищных размеров». Независимая Молдова. 2001, 6 марта.

99. Очень характерна и для воронинской идеологии, и для его стиля общения фраза, которую он бросает на встрече с редакторами газет: «Можете не опасаться — за 4 года президентства я коммунистический режим не установлю». Независимая Молдова. 2001, 5 мая.

100. Алло. Это прямая линия. Независимая Молдова. 2000, 20 декабря.

101. Есть, на наш взгляд, очень яркая параллель между действиями Снегура в 1991–1992 гг. в отношении объединения с Румынией и действиями Воронина в отношении вступления в российско-белорусский союз. Снегур сначала говорит об объединении как о чём-то очень близком, потом — как о конечной и длительной перспективе и о том, что всё должен решить референдум. Точно так же действует Воронин. Уже в феврале 2001 г. он говорит, что вступление в Союз и придание русскому языку статуса государственного — дальние перспективы, и решить эти вопросы можно только через референдум. См. Независимая Молдова. 2001, 28 февраля.

102. На одном из таких митингов у президентской резиденции один из молодых участников спустил штаны и повернулся к президентским окнам голый задницей. Ю. Рошка сказал об этом, что «господин Воронин увидел истинное лицо коммунизма». Е. Шато-

гов и обеспокоенного ими европейского сообщества Воронин был вынужден отступить¹⁰³. Он принимает рекомендации ПАСЕ, идущие навстречу требованиям оппозиции. Ему даже пришлось зарегистрировать, несмотря на страстные протесты подчинённой Москве Кишинёвской митрополии и самой Московской патриархии, подчинённую Бухаресту Бессарабскую митрополию, что упорно отказывались делать все предыдущие молдавские власти.

Ещё более болезненным было поражение в приднестровском вопросе. Воронин всерьёз рассчитывал, что в обмен на «интернационализм», возвращение позиций русского языка, твёрдый молдовенизм и пророссийскую внешнюю политику ему удастся заполучить поддержку России и в первый же год решить проблему Приднестровья¹⁰⁴ — все молдавские президенты на протяжении всего постсоветского периода в конце каждого года заявляют, что в следующем году проблема будет решена, или, во всяком случае, в её решении «произойдёт прорыв».

Но этого по понятным причинам не получилось. Воронин натолкнулся на категорическое нежелание приднестровской верхушки, которая давно уже утратила первоначальную советскую идеологию, расставаться с самопровозглашённой независимостью, ставшей для неё средством самосохранения и выживания. Затем он натолкнулся на то, что Россия предпочитает иметь в руках приднестровскую «синицу», а не «журавля в небе» — туманную и сомнительную перспективу пророссийской Молдовы со странной коммунистической властью, президент которой поддерживал Зюганова и в борьбе со своими противниками ссылался на Россию как на дурной пример того, к чему приводит бесконтрольная президентская власть. Россия выдвинула такой проект объединения («план Козака»), при котором российская армия оставалась бы в Приднестровье ещё на двадцать лет, а Приднестровье могло бы в любой момент выйти из новой федеральной Молдовы, приобретя статус независимого государства. Кроме того, он, естественно, натолкнулся на страстное унионистское сопротивление «плану Козака», от которого ему пришлось отказаться в последний момент.

О европейской ориентации Молдовы Воронин говорил с самого начала. Но после провала «плана Козака» интеграция в ЕС и европеизация страны окончательно становится главной стратегической целью правительства,

хина. Советская власть плюс «дерумынизация» всей страны. Общая газета. 2002, 21–27 февраля. С. 3.

103. В обращении Воронина к населению в момент максимального противостояния он сказал: «Все говорят,.. что всё началось с русского языка. Не заговори власть о русском языке, всё, мол, было бы иначе. Действительно, с этим следовало немного повременить. Но провокаторов и их спонсоров беспокоит не это. Они прекрасно знают, что вопрос о русском языке может быть решён только тогда, когда для этого будут созданы все необходимые предпосылки. Я ещё год назад говорил: задача власти в том, чтобы сначала «положить на язык», а потом решать языковые вопросы. То же самое относится и к истории. Нас спрашивают, какую историю учить? А я хочу спросить другое. У нас есть Родина или нет? Если есть Родина, должна быть история». Независимая Молдова. 2002, 26 февраля.

104. В. Воронин сам — уроженец Левобережья, и проблема Приднестровья имеет для него и личное значение.

и этот курс проводится «коммунистической» Молдовой, может быть, более последовательно, чем любой другой страной СНГ, и пользуется поддержкой громадного большинства населения, практически — всего общества¹⁰⁵. Но это означает, что все свои действия Воронин вынужден предпринимать с учётом европейского мнения, должен сдерживать авторитарные импульсы (и свои собственные, и своих однопартийцев) и проводить диктуемые ЕС институциональные реформы..

2000–2003 годы — пик советско-молдовенистской волны, дошедшей до своего возможного предела, как в 1991 году достигла своего предела унионистская волна. Дальше начинается откат. Откат этот проявился как в трансформации курса воронинской власти, так и в некотором ослаблении позиции коммунистов.

Позиции Воронина и коммунистов оказались более прочными, чем кто-либо мог предположить. Отчасти это связано просто с «везением». Молдова достигла предела своего трансформационного экономического спада, и начался естественный посттрансформационный подъём. Определить роль политики коммунистов в этом подъёме невозможно, и несомненно, что он произошёл бы в любом случае и практически при любой политике, и что любой правитель, при котором он начался бы, получил от этого политические дивиденды. Но коммунисты смогли внести в общество стабильность, которой не было при их предшественниках, и их идеологический стиль, как и личный воронинский стиль, импонировали молдавской массе.

Всё это позволило им вторично победить на выборах 2005 года. Тем не менее на этот раз они получили несколько меньше голосов и соответственно, мест, чем в 2000 году — 46,1 % голосов и 56 мест (в 2000 году — 49,9 % и 71 место). Кроме коммунистов, в парламент прошли центристы из Блока за демократическую Молдову, получившие 28 % и 34 места и христианские демократы с 11 % голосов и 11 мест.

Выборы 2005 года были громадным испытанием и для Воронина, и для всего молдавского общества. Они происходили на фоне волны «цветных революций», и Воронин больше всего боялся, что антикоммунистическая оппозиция, не унионистскую, «центристскую», часть которой на этот раз активно поддержала Москва, пославшая в Кишинёв «политтехнологов в штатском» (выражение В. Воронина¹⁰⁶) и организовавшая живших в России молдавских гастарбайтеров «Патриа-Родина», может поднять шум из-за каких-то фальсификаций, вывести людей на улицу по киевскому образцу и попытаться свергнуть власть. Поэтому власть стремилась избежать каких-либо нарушений

105. На вопрос: «Если бы в следующее воскресенье состоялся референдум о присоединении Республики Молдова к ЕС, Вы бы голосовали за или против?», «за» ответили 68,4 %, против — 6,3 %. На аналогичный вопрос в отношении НАТО «за» ответили 34,3 %, против — 18,1 %. Institut de Politici Publice. Barometru de opinie publică. Noiembrie 2006.

106. «Приезжают этикие политтехнологи в штатском, не регистрируются, прикрываются какими-то сомнительными «легендами» и правозащитными вывесками. Что это за партизанское подполье такое?». Цит. по: В. Выжтович. Услуги нон грата. Московские новости. 2005, 25 февраля — 3 марта. С. 4–5.

при голосовании и постаралась пригласить как можно больше западных наблюдателей. Всё обошлось — унионистская ХДНП не поддержала митинги протеста, которые без её молодых и энергичных активистов у «центристов» не получаются, Запад признал выборы честными, а «герои цветных революций» Саакашвили и Ющенко прямо поддержали Воронина.

А дальше события развиваются так, как ещё совсем недавно нельзя было и вообразить. Для избрания президента нужен 61 голос. У коммунистов в парламенте только 56, а не 71, как раньше, и избрать президента голосами только своей фракции они не могут. Но за Воронина проголосовали 75 человек (больше, чем в 2001 году) — он избирается президентом голосами коммунистов и унионистов.

9. ЕВРОПЕЙСКИЕ УСТРЕМЛЕНИЯ СГЛАЖИВАЮТ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Если в обществе есть два имманентных ему идейных полюса — румынистский и молдовенистский, и если советско-молдовенистская волна достигла своего предела, значит, начинается новая, унионистская. И определённые признаки её в Молдове есть.

Новому росту унионизма способствует резкое усиление привлекательности Румынии, вступившей в 2007 году в Евросоюз. Молдавия признаёт двойное гражданство, а Румыния предоставляет гражданство всем, родившимся на её территории в границах 1940 года. Уже упомянутый опрос 2006 года показал, что румынский паспорт есть в 10,4 % семей¹⁰⁷. Но это — только начало, ибо лица, подавшие документы на румынское гражданство есть ещё в 17,9 % семей. Возникает гротескная перспектива, когда большинство граждан Молдовы могут оказаться гражданами «соседнего государства». (Есть сведения, что румынские паспорта получают и имеющие на это право жители Приднестровья, в том числе и представители приднестровской элиты.)

Разумеется, мотивы получения румынского гражданства могут быть разными, и в первую очередь они связаны с вполне прозаичным желанием легко выезжать в Европу. Но ясно, что люди с румынским гражданством скорее будут положительно относиться к перспективе объединения и, во всяком случае, не будут восприимчивы к «румынофобии».

Румынский президент Т. Бэсеску прямо призывает молдаван войти в ЕС кратчайшим путём — через Румынию — и говорит, что «Румыния — единственная европейская страна, оставшаяся разделённой», а во время его приезда в Кишинёв его встречали толпы с лозунгами: «Бэсэску — наш президент!» и «Долой границу по Пруту».

Унионистская публицистика приобрела новый тон. Журнал де Кишинэу пишет в связи с решением открыть новые румынские консульства: «Потреб-

107. При этом среди лиц, выбравших румынскую идентичность, паспорт есть у 29,7 % семей, молдавскую — 11,8 %, у русских — 5,6 %. Среди лиц 18–29 лет — у 11, 1 %, 30–44—13, 5 %, у горожан — 11,3 %, лиц с высшим образованием — 20,2 %, принадлежащих к наиболее обеспеченному слою — 15 %.

ность в Европе заставит открыться не два, а десять румынских консульств в Бессарабии. Скоро бессарабцы будут нуждаться в них больше, чем в местном парламенте, правительстве и Высшей судебной палате вместе взятых. Магнетизм Европы непременно скажет своё слово. Привлечёт рабочую силу. Вдохнёт надежду. Призовёт жителей Бессарабии дерзнуть. Быть гордыми, что они являются румынами».¹⁰⁸

Но представить себе возвращение унионистского энтузиазма перестроечной эпохи, на наш взгляд, уже невозможно, как невозможно представить себе и новой волны молдовенизма, которая дошла бы до уровня, которого она достигла в период воронинского первого срока. Наряду с «маятниковой» тенденцией в молдавском сознании и молдавской политической жизни всё более отчётливо видна и другая — к смягчению унионистско-молдовенистского противостояния. Колебания маятника «затухают».

Молдавское государство укрепилось, и возникла своего рода «привычка» к нему, исключая возможность повторения эмоционального унионистского порыва перестроечной эпохи. Сохраняя идеологическое стремление к объединению, унионисты вынуждены принимать это государство как данность. Тем более, что унионистские лидеры стали занимать в нём устойчивые и «достойные» позиции.

Первые признаки «странного» сближения коммунистов и унионистов относятся, как мы уже видели, ещё к эпохе Лучинского и их совместной борьбе с его попыткой укрепить президентскую власть (если не раньше, когда ещё при Снегуре и унионисты-фронтисты и коммунисты высказывались против президентской республики). Затем, с приходом коммунистов к власти, наступил период резкого обострения противостояния, громких унионистских митингов протеста против молдовенистского наступления в сфере культуры и «плана Козака».

Но затем наступает новое сближение. После выборов 2005 года христианские демократы (вместе с представителями других более мелких правых партий) в парламенте голосуют за избрание Воронина. «В обмен» они получают пост вице-спикера для своего лидера Юрие Рошка. Естественно, что возникли обвинения в циничном сговоре и предательстве. И элементы «сговора» здесь, несомненно, были. Но было и нечто большее. Рошка, выступая по телевидению сразу же после своего избрания, сказал: «Что же поделать, если у господина Воронина и господина Рошки одно и то же желание — сделать Республику Молдова европейской страной»¹⁰⁹. А Воронин в своей инаугурационной речи заявил: «Впервые избрание президента государства оказалось уникальным поводом для единения и консолидации различных политических сил... Былое противостояние увенчалось наконец обретением общей цели, общего смысла нашего государственного развития... Свежие порывы судьбоносных европейских революций в Грузии и Украине наполнили воздухом и паруса молдавской демократии... Все разговоры о строительстве демо-

108. www.Regnum.ru/news/767656.html.17/01.

109. Независимая Молдова 2005, 12 апреля.

кратии с какой-то особой, местной спецификой, или досужие разговоры о том, что мы-де не готовы к настоящей демократии, следует прекратить»¹¹⁰.

Молдовенистско-румынистское противостояние, естественно, не исчезло. Более того, после 2005 года оно даже несколько обострилось в связи с проблемой румынских паспортов и заявлениями Т. Бэеску¹¹¹. Но демократизация и общее стремление к ЕС и к «европеизации»¹¹² сглаживает крайности и остроту противостояния.

Демократия в Молдове укрепляется не столько из-за демократизма молдавского общества, сколько из-за того, что авторитарные тенденции президентов, общие у молдавских президентов с президентами других стран СНГ, имеют слишком слабую основу в идеологии национального государства, что молдавское общество слишком глубоко расколото по самому важному вопросу — о своём существовании. Это — демократия «by default», не столько из-за силы демократических идей и психологии, сколько из-за слабости и противоположной друг к другу направленности недемократических тенденций. Но постепенно демократические «правила игры» интернализуются её участниками, которые начинают понимать, что поражения и победы — временные, а эти правила — постоянны, и ценность их — выше, чем ценность партийной победы. В. Воронину принадлежат замечательные слова: «Сегодня коммунисты у власти. Но мы, наверняка, не будем у власти 74 года, как в Советском Союзе. Поэтому мы сотрудничаем с оппозицией, отдаём ей под контроль ЦИК, СНБ, Счётную палату. Пусть они помогают нам выявлять тех, кто запускает руку в государственный карман. Но они должны помнить всё это и тогда, когда придут к власти».¹¹³

Вступление в ЕС может рассматриваться и молдовенистами, и унионистами не только как общая цель, но и как путь к реализации их противоположных целей, ибо в ЕС молдавская государственность одновременно может и закрепиться и утратить своё значение¹¹⁴.

110. Независимая Молдова. 2005, 8 апреля.

111. В июле 2006 г. В. Воронин заявляет на пресс-конференции: «Я знаю, что есть люди, которым очень хотелось бы, чтобы в Кишинёве утвердилась проунионистская клика, которая дальше Днестра бы ничего не хотела видеть, которой можно было бы пугать население Приднестровья, с которой можно было бы без труда разделить Молдову на части... Что же касается перспектив объединения с Румынией, то такой перспективы не существует даже после вступления Молдовы в ЕС». ИА. Новости. 2006 11 июля.

112. Новый спикер молдавского парламента М. Лупу говорит: «Вектор на европейскую интеграцию Молдовы ни при каких условиях не изменится, потому что это не столько вопрос внешней политики, сколько вопрос внутренней модернизации». От сессии к сессии. Брифинг М. Лупу. Независимая Молдова. 2007, 28 июля.

113. Независимая Молдова. 2006, 14 марта.

114. Существует определённое сходство между молдавской и кипрской ситуацией. В период борьбы с английскими колонизаторами и сразу после обретения Кипром независимости среди греков-киприотов (большинства населения Кипра) было сильное движение за «энозис», объединение с Грецией, аналогичное движению в Молдавии за «унире», объединение с Румынией. Против были турки-киприоты, положение которых было аналогично положению русского меньшинства, и кипriotская политическая верхушка, группировавшаяся вокруг президента — митрополита Макариоса, как молдавская группировалась вокруг Снегура. Путч сторонников энозиса привёл

Будущее Молдовы остаётся неопределённым, как неопределённым и противоречивым остаётся молдавское сознание. Но эта неопределённость перестаёт быть пугающей. Внутри ЕС можно объединяться, а можно и не объединяться, ибо между объединением и независимостью нет таких уж драматических различий. И выбор между молдавской и румынской идентичностью также может утратить свою прежнюю «экзистенциальную» значимость.

10. «УРОКИ МОЛДОВЫ»

Мы постарались показать, как специфика молдавского самосознания, имманентное ему противоречие между «румынизмом» и «молдовенизмом» и порождаемый им глубокий раскол общества влияют на постсоветское политическое развитие. Уникальность самосознания молдаван порождает уникальность постсоветского политического развития Молдовы.

Естественно, что «случай Молдовы», как любой пример своеобразного, отклоняющегося от «нормы» развития особенно интересен с политологической точки зрения. И интересен в первую очередь потому, что любой «отклоняющийся» случай всегда заставляет по-новому взглянуть на «норму». Он как бы лишает «норму» характера закономерности, обязательности.

Опыт Молдовы говорит нам, что авторитарные и полуавторитарные режимы — типичный, но всё же не обязательный этап посткоммунистического развития даже в странах, где нет сколько-нибудь большой культурной и психологической готовности к демократии. «Средний молдаванин» значительно менее склонен к правовым демократическим методам решения своих проблем, чем «средние прибалты», и не так уж далёк от русских или белорусов. Тем не менее Молдова смогла создать политическую систему, значительно более близкую к балтийским, чем к российской или белорусской.

Изучение этого опыта также показывает, что отсутствие консенсуса по базовым вопросам, касающимся самого существования государства и нации,

к вооружённому турецкому вмешательству (аналогичному вмешательству российской армии в 1992г.) и появлению Турецкой республики северного Кипра — аналогу Приднестровской республики. «Энозис» откладывается в долгий ящик, поскольку он означал бы фактически согласие на раздел Кипра, и ведутся такие же бесконечные и безрезультатные переговоры об объединении Кипра, какие ведутся о Приднестровье. Но перспектива и затем реализация перспективы вступления Кипра в ЕС радикально меняет ситуацию. Турки-киприоты тоже хотят в ЕС и готовы ради этого пойти на объединение. Но против голосуют на этот раз греки-киприоты. (Это — примерно то же, как если бы при перспективе вступления в ЕС Молдовы приднестровцы проголосовали бы за объединение, а молдаване его бы отвергли). С другой стороны, и идея энозиса утрачивает былое значение. Кипр (без турецких северных территорий) достаточно хорошо чувствует себя в ЕС, и энозис утратил актуальность, он просто никому не нужен. О схожести кипрской и молдавской ситуаций см.: Eiki Berg. Examining Power-Sharing in Persistent Conflicts. De facto Pseudo-Statehood Versus de jure Federalism. Global society. June 2007.

Есть, однако, одно принципиальное отличие. Когда Кипром правили англичане, они, в отличие от русских, не пытались создать кипрский язык и особую киприотскую идентичность, противостоящую греческой.

глубочайшие не только политические, но и «идентификационные» противоречия не только не обязательно являются препятствием для демократии, но могут даже способствовать её построению. В условиях очень расколото-го общества авторитарные поползновения наталкиваются на очень сильное сопротивление — не потому, что сопротивляющимся так уж естественна и дорога демократия, а потому, что их категорически не устраивает данный идеологический оттенок авторитаризма. Сопротивление авторитарным тенденциям власти в Молдове, как и в России, шло с противоположных сторон — от «левых» и «правых». Но за молдавскими «левыми» и «правыми» стоят не просто идеологические и ценностные предпочтения, а разные национальные идентификации. Поэтому «левые» и «правые» политические течения здесь — прочнее, чем в России, а их сопротивление — значительно сильнее.

Опыт Молдовы говорит нам также о возможности и даже естественности блокирования крайних идеологических противников против общей авторитарной угрозы. В России блокирование «демократов» и «коммунистов» так и не состоялось. Но пример Молдовы демонстрирует нам, что это — нормальный тактический союз, который в конечном счёте привёл к утверждению в Молдове парламентской республики.

Молдова заставляет нас также совершенно иначе взглянуть на последствия победы коммунистов. Страх коммунистического реванша в России сыграл колоссальную роль в усилении авторитарного характера президентской власти. Но в Молдове этот «реванш» состоялся, и он отнюдь не означал конец демократии, рыночного развития и европейской интеграции. Наоборот, именно при коммунистах идеология «европеизма» стала всеобщей и официальной.

Молдавский опыт также демонстрирует нам, что демократия, даже если она возникает «by default», не из-за реальной приверженности к ней населения, а за отсутствием или трудностью осуществления других альтернатив, постепенно сглаживает, казалось бы, непримиримые противоречия, демократические нормы интернализируются, становятся привычными и естественными. Из тактического союза правых и левых вырастает принятие и теми и другими общих «правил игры».

Уникальный случай заставляет увидеть в «норме» не видимые ранее возможности, увидеть скрытые, не реализовавшиеся альтернативы «нормального» развития. И «случай Молдовы» требует изучения и размышлений над ним, которые одновременно — размышления не только над этим особым «случаем», но и над более обычными и типичными «случаями», включая российский.